

Главный редактор

В. М. Орел

Редакционная коллегия

В. В. Бабков, А. Г. Барабашев, Д. А. Баюк (зам. главного редактора),
Вл. П. Визгин, В. Л. Гвоздецкий, Н. Ф. Глазовский, С. С. Демидов,
Ю. А. Золотов, С. С. Илизаров, А. Б. Кожевников, Л. М. Кожина, Н. И. Кузнецова,
В. Л. Пономарева, А. В. Постников, Н. Н. Семенова,
И. Е. Сироткина, А. М. Смолеговский, Д. А. Соболев

Международный редакционный совет:

Марк Адамс (США), Кит Бенсон (США), Гурген Григорян (Россия),
Лорен Грэхэм (США), Кеннет Кноспел (США), Борис Козлов (Россия),
Эдуард Колчинский (Россия), Джон Криге (Франция),
Юрий Наточин (Россия), Мариано Ормигон (Испания),
Доминик Пестр (Франция), Ганс Йорг Райнбергер (ФРГ),
Нильс Ролл-Хансен (Норвегия), Эдвард Свидерски (Швейцария),
Вячеслав Степин (Россия), Дуглас Уинер (США), Дэвид Холлоуэй (США),
Юрий Храмов (Украина), Саймон Шейфер (Великобритания)

Номер набран и сверстан на электронном оборудовании
Института истории естествознания и техники РАН

Редакторы — Куликова Марина Владимировна, Фирсова Галина Александровна,
Белозеров Олег Петрович (информационный раздел)
Оригинал-макет — Зайцева Мария Евгеньевна
Заведующая редакцией — Дроздова Людмила Николаевна

Подписано к печати 20. 05. 2004. Формат бумаги 70×100 ¹/₁₆
Офсетная печать. Усл. печат. л. 18,2. Усл. кр.-отт. 12,8 тыс. Уч.-изд. л. 23,0. Бум. л. 7,0
Тираж 680 экз. Заказ 8308

Учредители: Российская академия наук,
Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН

Адрес издателя: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
Адрес редакции: 109012, Москва, Старопанский пер., 1/5
тел: (095) 928–1190 факс: (095) 925-9911
E-mail: viet@ihst.ru. Home page: www.ihst.ru/JOURNAL.HTM
Отпечатано в ППП «Типография “Наука”». 121099, Москва, Шубинский пер., 6

© Российская академия наук, 2004 г.

© Редколлегия журнала “Вопросы истории естествознания и техники” (составитель), 2004 г.

С. И. ВАВИЛОВ

«МЫСЛЬ ОБ ЭВОЛЮЦИИ МИРА — ЕДИНСТВЕННОЕ АБСОЛЮТНОЕ, ЗА ЧТО ЕЩЕ МОЖНО ДЕРЖАТЬСЯ СОЗНАНИЕМ»

(Дневники 1939–1951 гг.) *

8 июля 1939 г., Алибек

Прочел «Мадам Кюри» — биографию, написанную ее дочерью. Среди научных биографий — книга на редкость интересная, нужная и важная. История о человеке, простой женщине с поразительным стремлением учиться, с прекрасной памятью, настойчивостью, прилежанием, систематичностью и умом. Могло естественнее всего кончиться после окончания Сорбонны возвращением в Варшаву и рядовой учительницей. Но встреча с П. Кюри и случайно счастливый выбор темы для докторской диссертации — продолжение опытов Беккереля над странными действиями урана. Этот выбор + замечательные свойства М. Склодовской и определили дальнейшую объективную ценность жизни и работы М. Кюри. Самое удивительное с человеческой точки зрения — полная незаинтересованность во внешнем успехе, умение отгородиться от этого успеха и удовлетворенность в себе самой. Это очень редко. Особенно с такой силой и определенностью. Ньютон, Галилей — это совсем другое. Здесь испытание какого-то предназначения.

Хочется вернуться к моей старой-престарой теме «Фауст и Леонардо», собрав в ней то, что за жизнь узнал из истории науки, из жизнеописаний людей, наукой занимающихся. «Мадам Кюри» — необходимое звено для этой будущей статьи или книги. Будет ли время?

[...]

10 марта 1940 г., Кремлевская больница, Москва

С августа до марта роковая цепь. Война с ее неизбежностью, бессмысленностью и странными формами, непонятными до сих пор ¹. В связи с перебоями в железнодорожном движении, мобилизацией автомобилей, резко наступающими холодами, первый раз в жизни длительно заболел какой-то поганой неотвязчивой легочной болезнью. Маленькое воспаление легких — бронхит, плеврит, потеря аппетита, похудение, слабость. И так «по синусоиде» уже

* Окончание. Начало см.: ВИЕТ. 2004. №1. С. 3–17.

¹ Речь идет о Второй мировой войне. Не исключено, что Вавилов намекает и на закончившуюся мирным соглашением 12 марта 1940 г. советско-финляндскую войну (началась 30 ноября 1939 г.). (Здесь и далее примечания Е. И. Погребысской.)

*Президент Французской академии наук Ж. Перрен во время посещения Оптического ин-та.
Слева направо: И. В. Гребенников, Д. С. Рождественский, С. И. Вавилов,
Т. Т. Слюсарев, Ж. Перрен и др., май, 1934 г.*

полгода. Случайно попал в больницу, где уже 12 дней. Убедился, что мало разницы между больницей и тюрьмой. Главное, из субъекта становишься объектом. Предстоит еще санатория. Тоже вроде тюрьмы. Олюшка² тоже больна все время, Виктор — призван 5-й месяц³.

Так за это время все распалось, рассыпалось, и очень тревожно, надо опомниться и взять себя в руки. Жизнь должна быть заслужена.

[...]

26 марта 1940 г., Барвиха

Я благодарен прожитым 49 годам за то, что я узнал настоящее, подлинное величие искусства. Я видел и понял Пестумские храмы, Св. Петра, Джорджоне, Леонардо, я слышал и понял Баха, Россини, Моцарта, Бетховена, я знаю Пушкина, Гете, Тютчева, я знаю Рим и Петербург, Микеланджело и безголовую римскую Венеру. Когда вспоминаешь об этом, — тихая радость и удовлетворенность, как ни от чего другого.

Почему это так? Во мне, человеке абстрактного склада! Красота?

Меня значительно менее трогает красота в природе, горы, море, но вот сле-

² Ольга Михайловна Вавилова (рожд. Багриновская, 1899–1978) — жена С. И. Вавилова.

³ Сын С. И. Вавилова Виктор Сергеевич Вавилов (1921–1999) был призван в армию в 1939 г. с 1-го курса физического факультета ЛГУ и участвовал в войне с Финляндией, а затем в Великой Отечественной войне. Только в 1946 г. он продолжил учебу.

ды культуры, развалины вместе с природой, итальянский «культурный пейзаж» — это волнует всегда.

[...]

3 апреля 1940 г., Барвиха

Александра Ивановна ⁴ вчера в 2 часа дня умерла в Боткинской больнице. Семья совсем сузилась. Я да брат. Она тогда 23–27 февраля бегала ко мне, вероятно, простудилась. И такая мистика чисел. Вчера ее именины. Смерть совсем не страшна, но зато жизнь кажется такой бессмысленной в эти минуты.

После того что прожил и передумал за последние месяцы, этот страшный факт становится очевидным, и я хожу разбитый, но спокойный. Гуляю, был даже в здешнем кино. «Петр I». Станный, эволюционировавший до Бога человек, которого можно уничтожить без следа гриппом. Пустота, бездомная скучная пустота. А она меня спасала, суежилась, бегала по морозу. Вот комнатуха в доме на Никольской, отгороженная ширмами, за которыми она живет, гимназистка, учится. Серебряная медаль. Классная дама. В 1905 году женитьба. Святки. Ряженые. Гладковы. Помню, ходили нанимать квартиру для молодоженов. Потом Ростов, война, а потом Пресня. А как просто умирать. Пусть еще раз, живем не для себя. А. И. для многих оставила милое: классная дама, потом война, сыпной тиф, малярия. Была в ней могучая энергия, и умерла она безжалостно рано.

[...]

18 мая 1940 г., Ленинград

Опять поползли немцы. На Европу. Вчера Гаага и Амстердам, сегодня Брюссель. Французское правительство собирает чемоданы. Сила несокрушимая. Самоотречение отдельных Мюллеров и Шульцев — во имя чего? Гитлера? Это невероятно у современного немца...

А здесь опять похороны. О. А. Тудоровская ⁵. Сегодня ночью, когда ехал в «Стреле» из Москвы, первый раз в жизни видел музыкальный сон. Какая бессмысленность. Вспоминаю август 1914 года. Опять все снова. Кому это нужно?

[...]

30 мая 1940 г., Москва

Болезнь, смерть Александры Ивановны, больница, трагедия в Европе во многом меня изменили. Спокойная безнадежность, холодное отчаяние. Ни за

⁴ Александра Ивановна Ипатьева (рожд. Вавилова, 1886–1940) — сестра С. И. Вавилова. Подробно о близких и первых двух десятилетиях жизни С. И. Вавилова см.: Вавилов С. И. Начало автобиографии // Сергей Иванович Вавилов. Очерки и воспоминания. 3-е изд. М.: Наука, 1991. С. 97–123.

⁵ Ольга Авдеевна Тудоровская (рожд. Дивильковская, 18?–1940) — жена физика-оптика, профессора ЛГУ, чл.-корр. АН СССР с 1933 г. Александра Илларионовича Тудоровского (1875–1963).

что уцепиться не могу, все кажется преходящим, ненужным, пустяком, вместе с тем нет раздражающего пессимизма.

[...]

3 августа 1940 г., Узкое

Как странно это желание сделать нужное и важное? Знаю, что даже посмертные лавры Ньютона такая мелочь. А между тем — желание держит, и твердо, в жизни. И так хочется просмотреть самого себя, найти наиболее ценное и направить его в нужную сторону.

Надо наконец решать затянувшуюся шестилетнюю задачу, где же мне жить, в Ленинграде или в Москве ⁶? Знаю, что сосредоточившись на одном деле, сделал бы, вероятно, еще многое. Но положение осла Буриданова тянется и тянется. В Ленинграде тянет сам город, старинные прямолинейные и золотисто-серо-розовые чары Петрова города, тянет оптика, которая в конце концов сделалась моим основным делом, притягивает определенность и фундаментальность.

[...]

13 августа 1940 г., Железо

За эти дни сколько перемен и самое страшное несчастье. У брата Николая 7-го на квартире был обыск. Сам он сейчас во Львове. Значит, грянет арест, значит, рушится большая нужная жизнь, его и близких! За что? Всю жизнь неустанная, бешеная работа для родной страны, для народа. Вся жизнь в работе, никаких других увлечений. Неужто это было не видно и не ясно всем? Да что же еще нужно и можно требовать от людей? Это жестокая ошибка и несправедливость. Тем более жестокая, что она хуже смерти. Конец научной работы, ошельмование, разрушение жизни близких. Все это грозит.

Эта записная книга ⁷ выходит полной горя: смерть матери, сестры, теперь ужас, нависший над братом. Думать о чем-нибудь другом не могу. Так страшно, так обидно и так все делает бессмысленным. Хорошо, что мать умерла до этого, и так жаль, что сам не успел умереть. Мучительно все это, невыносимо.

[...]

14 августа 1940 г., Железо

У науки, конечно, только практические цели, и в конце концов бессмыслен спор об «основах».

Руки опускаются. Город с его домами, памятниками, петербургскою красотой кажется гробом повапленным ⁸, а люди — мертвецами, еще не успевшими залезть в гробы.

⁶ С. И. Вавилов в 1932 г. был назначен научным руководителем Государственного оптического института (ГОИ) в Ленинграде и оставался им до своего избрания в 1945 г. президентом АН СССР. Одновременно Вавилов был директором Физического института АН СССР (ФИАН), с 1934 г. находившегося в Москве.

⁷ Записная книжка охватывает 1935–1944 гг.

⁸ От старинного слова вапъ — краска. Используется только в переносном значении. Слово-

Сегодня год войны. Она кажется такой же неизбежностью, как осенний дождь и сентябрь. Как трудно, как тяжело жить и как хотелось бы незаметно и сразу умереть.

[...]

13 сентября 1940 г., Ленинград

Смотря в стекло на письменном столе, в своем отражении узнаю Николая. Словно привидение. Так это страшно.

[...]

18 сентября 1940 г., Москва

В эти жуткие дни я отчетливо ощутил, что старею. До сих пор почти всегда казался себе самому почти мальчишкой.

Старею, чувствую полное ослабление творческих стимулов, беспомощность, бездарность и слабость.

Люди кажутся мало отличимыми от кузнечиков и автомобилей, война не ужаснее обвала и грозы. Сам для себя превращаюсь в предмет неодушевленный. При таких условиях жить — трудная задача.

[...]

21 ноября 1940 г., Москва

По радио «Валькирия». Многозначительная, серьезная, задумчивая музыка. Минутами серьезно веришь в Брунгильд, Зигмундов, но туман быстро разлетается, и остаешься прежней чуркой.

Людей боюсь, а без людей не могу... Заметил несколько раз: во сне вспоминается то, что видел во сне. В бодром состоянии это не вспоминалось. Странная двойная жизнь. Две памяти.

В эти месяцы, небывало тяжелые и жуткие, начал толстеть, «поправляться», вероятно, потому, что бросил курить, не курю с прошлого года, когда сестра отвезла в больницу.

[...]

29 ноября 1940 г., Ленинград

Постепенно исчезает самолюбие и эгоизм. Безо всякого удивления, безошибочно угадываю и вижу эгоизм окружающих, желание меня «исполосовать», и к этому эгоизму отношусь совершенно снисходительно, как к биологической неизбежности.

[...]

31 декабря 1940 г., Ленинград

Кончается год, который был для меня самым тяжелым до сих пор в жизни. Тяжелый по безысходности, по нелепой безжалостности и по отсутствию со-

сочетание «гробы повапленные» происходит от евангельского сравнения лицемеров с «гробами повапленными, которые красивы снаружи, а внутри полны мертвых костей и всяких мерзостей».

Кандидат в депутаты ВС РСФСР, академик С. И. Вавилов беседует с фоторепортером А. И. Бродским, 1941 г.

противляемости у меня. Развивающийся с каждым месяцем «материалистический объективизм» спасает от отчаяния. На будущее начинаю смотреть так же просто, спокойно и хладнокровно, как «смотрит» камень на пыльной дороге или луна. Окаменение, окостенение — это результат года и самозащита.
[...]

5 февраля 1941 г., Ленинград

Вечер после депутатского приема⁹. Слезы, квартиры, реабилитированные. А завтра — полгода несчастья Николая. Какая бессмыслица и безжалостность. Жизнь — сплошная сутолока около науки, о науке, только о ней одной, и вот — тюрьма.
[...]

21 февраля 1941 г., Ленинград

Депутатский прием. Комнаты, людское горе в промокших стенах.
[...]

27 февраля 1941 г., Москва

Юбилей. Год тому назад, примерно об эту пору, в одиннадцатом часу вече-

⁹ В 1938 г. С. И. Вавилов был избран депутатом Верховного Совета РСФСР.

ра попал в Кремлевскую больницу. Отвезла сестра Александра Ивановна. И началось что-то совсем новое в жизни. Больница, тюрьма. Весенний снег в Барвихе.

Смерть сестры и катастрофа брата.

За это время стал совсем другим человеком. Ровно год не курю (это после 25-летнего курения, начиная с 1914!). Растолстел, как никогда в жизни. Никогда не было такого отчаяния, пессимизма.

[...]

9 марта 1941 г., Ленинград

По-прежнему переживания мухи, попавшей в паутину, расставленную жизнью, путаницей собственного сознания, причудливой игрой обстоятельств, которые кажутся иногда фаталистическими. Пытаешься вырваться, но застревашь еще больше, как Мюнхгаузен, извлекающий себя из болота.

[...]

20 марта 1941 г., Ленинград

Оглядываюсь на уютный шкаф красного дерева в столовой, со старыми и новыми книгами, на фоне синей стены с перспективой Невского над ней, и становится жалко жизни. Так вот и скачут точки зрения, желания, взгляды, и всему этому грош цена. Вырваться из такой жизни, по-видимому, никак нельзя. Не ухватишься ни за какой абсолютный крючок.

[...]

23 марта 1941 г., Ленинград

Знаменитые мартовские иды¹⁰. Все рождения и смерти в семье в эти сроки. А в голове, помимо того, сплошной похоронный марш. Прострация, паралич и безнадежность. Готов ко всему и прежде всего — к собственной аннигиляции. На самом деле следовало бы все это отбросить и жить по-настоящему до конца. Так было бы лучше и для других, и для себя. Но силы и воли нет. Поддерживают стройность, широта и уютная старинность петербургских просторов, висящие перед глазами акварели Венеции и Рима, охота за книжками, кое-какие скудные научные мысли да семья.

[...]

1 апреля 1941 г., Москва

Сегодня Верховный Совет РСФСР. Справочник Академии наук на 1941 год — без Николая. Завтра именины мамы, сестры, мой, смерть сестры. Чувство собственного бессилия, как перед нависшей громадной бедой. Хотя бы все это рухнуло и придавило.

[...]

¹⁰ По древнеримскому календарю — 15 марта. В историю вошли, так как в этот день в 44 г. до н. э. был убит Юлий Цезарь.

2 апреля 1941 г., Москва

Пятидесятые именины. Был на кладбище. Из тайников памяти все опять выглянуло наружу. Больше 40 лет хожу по этим печальным гнилым дорогам кладбища. Вспоминаю похороны бабушки Домны. Поминки с кутьей и медом, в доме около кладбища, потом грустнейшие похороны Ильюши ¹¹. Гиацинты, запах которых навсегда связался с его смертью. Фотографировался. Похороны Баумана ¹². Потом мама, потом сестра. Прошлогодний разговор с Николаем: кому из нас кого раньше хоронить придется. На кладбище все одряхлевшее, разваливающееся, но наиболее резко напоминающее старую Россию.

[...]

5 мая 1941 г., Ленинград

Безнадежная тоска, опускающая руки, трагическая судьба Николая, ни минуты не выходящая из головы и парализующая все. Мировая трагедия, «Neue Ordnung», гитлериада, где-то на заднем плане и кажется иной раз пустяком.

[...]

12 мая 1941 г., Ленинград

За себя страшно. Длинная, самая пестрая мозаика дел, дел, дел, небрежно на ходу делаемых, отзывы о рукописях, диссертациях, советы по работам, филантропия депутатская... и никогда не остановиться. Усталость, самого себя не видно. Полная неудовлетворенность.

[...]

14 июля 1941 г., Ленинград

Собираемся уезжать из города с институтом ¹³, бросать установившуюся жизнь. Страшно, грустно.

[...]

18 июля 1941 г., Ленинград

Ощущение закапывания живым в могилу. Разор, разборка института, отъезд в казанские леса неизвестно на что, бросание квартиры с книгами... В молодости это показалось бы невероятной авантюрой. Сейчас это почти самопогребение.

[...]

20 июля 1941 г., Ленинград

Ощущение совершенно разорванной жизни. В институте заколоченные

¹¹ *Илья Вавилов* (1898–1905) — младший брат С. И. Вавилова.

¹² Похороны Н. Э. Баумана (1873–1905) в Москве стали крупным политическим событием 1905 г. Подробнее о впечатлении С. И. Вавилова об этом см.: Сергей Иванович Вавилов. Очерки и воспоминания. 3 изд. М.: Наука, 1991. С. 119.

¹³ Речь идет о Государственном оптическом институте, который был эвакуирован в Йошкар-Олу.

ящики, которые отправят на вокзал. Впереди страшные перспективы – казанских лесов. Чувство горечи, беспомощность, бесперспективность и разорвавшиеся связи.

Сегодня воскресенье — четвертое после гитлеровского 22-го. По инерции побрел на Литейный. Попал в «тревогу», которая длилась 1,5 часа.

[...]

*9 августа 1941 г., Казань*¹⁴

В пути исполнилась годовщина исчезновения Николая. О войне ничего толком не знаем. Завтра собираюсь в Йошкар-Олу. До чего еще убога Россия!

Виктор остался в Питере, и здесь неевклидова геометрия на почве казанской грязи и пыли. Может быть, потому она здесь и появилась, как реакция этой гнили, как торжество духа.

А питерская стройность, невиские широты и перспективы и белые ночи – далеко позади.

[...]

16 августа 1941 г., Казань

На фронте, по-видимому, положение тяжелое. О Николае сведений никаких, и все становится мрачнее и страшнее, и «одно на целом свете верно то, что сердцу сердце говорит в немом привет». Помимо Олюшки — ничего больше не осталось. Готов рухнуть в любую бездну.

[...]

29 августа 1941 г., Йошкар-Ола

Тяжело невыносимо. Во сне видел Николая, исхудавшего, с рубцами запекшейся крови. Голова бездейственна. Чувствую страшный отрыв. Случайность, вздорность, ошибочность бытия.

[...]

30 августа 1941 г., Йошкар-Ола

Первый раз за последний месяц по радио слышу: настоящая музыка Моцарта, и сразу обретается человеческое достоинство. Сегодня, кажется, два года, как была нажата кнопка мировой катастрофы. Мысль об эволюции мира — единственное абсолютное, за что еще можно держаться сознанием. Остальное рассыпается в прах, случайно и не нужно.

[...]

22 сентября 1941 г., Йошкар-Ола

Заболел, температура, нарыв на ноге, сижу дома вместо Казани. Взят Киев. Странное молчание из Ленинграда. Очень жалко. О Николае вестей нет. По-

¹⁴ В Казань был эвакуирован Физический институт АН СССР, и Сергею Ивановичу приходилось постоянно ездить туда из Йошкар-Олы, где находился ГОИ и где жила его семья.

следовательные удары: смерть мамы, Александры Ивановны, война, арест Николая и новая странная фаза войны — все это за три года. Слишком много.
[...]

13 октября 1941 г., Йошкар-Ола

Сегодня узнал из письма Елены Ивановны ¹⁵ о печальной и мрачной участи Николая. Страшно и грустно безгранично. С какой бы радостью завтра не проснулся. Никогда этого не забуду.

«Подожди немного, отдохнешь и ты».

[...]

18 октября 1941 г., Й[ошкар]-О[ла]

Военные вести почти катастрофические. Николай, война, сын, исковерканная жизнь. Жить на редкость трудно. Чувствую старость, усталость.

У меня страшное. Все умерли. Николай хуже чем умер, осталась Олюшка; инстинкты совсем замерли, и вот я лицом к лицу с «философией».

[...]

15 марта 1942 г., Йошкар-Ола

Вчера вернулся из Казани, пробыл там дней 11. О Николае по-прежнему ничего, словно умер. А может быть и умер?

Появляются в Казани, как тени из загробного мира, несчастные ленинградцы. Скелеты, обтянутые кожей, еле двигающие ногами. Если судить по рассказам об учреждениях (Библиотека Академии, Астрономический институт, Ботанический институт), то примерно от истощения к 19 февраля умерло от 20 до 30% — т.е. четверть населения, около миллиона! По-видимому, это самая страшная трагедия сознательного человечества за всю его историю. Виктор в письмах бодрится, что на самом деле — угадать трудно. На нашей квартире, в доме № 14 на Биржевой линии, от голода умер Миша Хвостов ¹⁶. По городу неубранные трупы, нет воды и света, и транспорта.

[...]

24 марта 1942 г., Йошкар-Ола

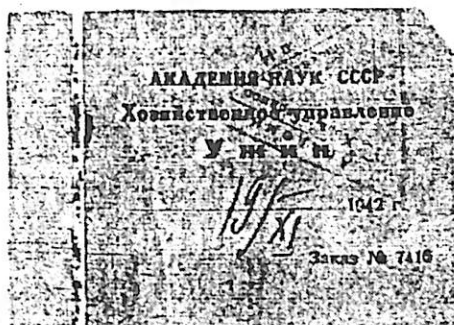
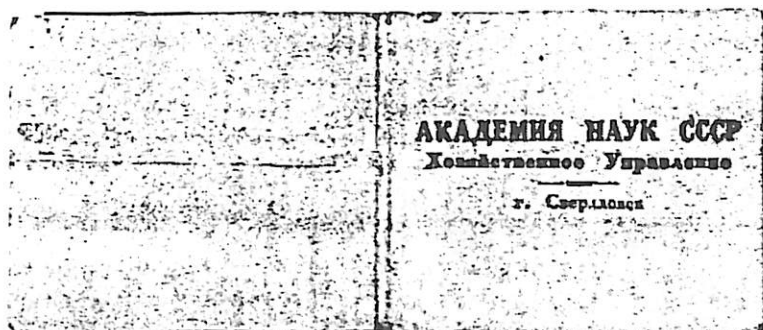
Вчера от Виктора письма из Ленинграда и панические письма Озерецких ¹⁷. Становится страшно. Так вот под ударом единственные нити, удерживающие в жизни.

[...]

¹⁵ Елена Ивановна Вавилова (рожд. Баруллиная, 1895–1957) — биолог, доктор биологических наук, с 1921 г. в течение почти 20 лет работала в Институте растениеводства. Жена Николая Ивановича Вавилова.

¹⁶ Хвостов Михаил Вениаминович — музыкант, дирижер Театра им. Евг. Вахтангова. В 1938 г. был выслан из Москвы на 3 года (за анекдоты). Двоюродный брат О. М. Вавиловой.

¹⁷ Знакомые Вавиловых. Жена Озерецкого была подругой О. М. Вавиловой.

Неиспользованный талон на ужин во время командировки С. И. Вавилова в Свердловск, где находилась часть Президиума АН СССР, 1942 г.

26 апреля 1942 г., Йошкар-Ола

Завтра придется ехать в Свердловск на шутовское действие Общего собрания Академии. На войне зловещая тишина... Что-то будет к концу мая? Насторожение ломовой лошади, которую кормят и гоняют на работу. Хочется стать homo sapiens со всеми его требованиями и свойствами. Тревога за сына. Трагический Ленинград.

[...]

2 октября 1942 г., Йошкар-Ола

Увяз в биографии Ньютона¹⁸. Интересно, пожалуй, никому не нужно, и почти механическая работа. На фронте вот уже недели две бои под Сталинградом и Моздоком. Приближается зима.

[...]

26 декабря 1942 г., Москва

Месяц в Москве, как за границу приехал. О войне здесь не думают и не го-

¹⁸ Речь идет о работе С. И. Вавилова над книгой «Исаак Ньютон», выдержавшей четыре издания (1 изд. — 1943 г., последнее — 1989 г.), а также включенной в Собрание сочинений С. И. Вавилова (Т.3. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 288–467).

С. И. Вавилов в Йошкар-Оле в годы войны. По дороге в Оптический институт

ворят. Город наполнен аферистами, ловящими рыбу в мутной воде. Пользуются тем, что люди, учреждения на востоке, грабят имущество. Каждый день ходил по генералам, главным инженерам. Толкотня по улицам, метро, трамваи. Люди автоматические.

Концерт органной Баха (Гедике)¹⁹. Словно голос Бога. Но в огромном зале консерватории мороз, люди в шубах. «Три сестры» в Художественном театре. Улетел на «машине времени» в свое сложное живое прошлое. Со всей его нелепостью, красотой, смыслом, человечностью, душой. А в зале люди с другой планеты. Гогочут в самые трагические минуты. Для новых людей Чехов — тарбарщина. А он на самом деле гениален.

Вернулся и погибаю в сложности мелочей.

Тогда 25 лет тому назад в Двинске елка с офицерскими погонами, только что снятыми.

[...]

3 января 1943 г., Йошкар-Ола

Писать не хочется. Мягкая зима, мало снега. На фронте грохот побед, из ко-

¹⁹ Гедике Александр Федорович (1877–1957) — композитор, органист, пианист.

торых должна определиться ближайшая история. Пишу про Ньютона. Институт работает, но в науке так трудно сказать, что на пользу, а что на ветер. Читаю о Лукреции²⁰.

Сейчас люди кажутся скелетами говорящими.

[...]

18 января 1943 г., Йошкар-Ола

Знобит. Сажу в шубе около горячей печки. По радио слышу указ о производстве в маршалы Жукова и Воронова. Читаю «Черные стрелы» Стивенсона. Завтра нужно читать лекцию о Ньюtone²¹. Сегодня крещенский сочельник. Очень ясно чувствую, что стал стариком. Сразу скачок в старость. Даже самолюбие исчезает, лишь бы не трогали.

[...]

22 января 1943 г., Йошкар-Ола

3-й день лежу. Обычная история с легкими. Мокрота, боль в боку и отвратительное состояние озноба и лихорадки. Вероятно, от этой гадости и умирать придется — и, как все наши, в марте.

[...]

23 января 1943 г., Йошкар-Ола

Лежу на боку, на улице мороз 30°. Ньютон, Леонардо, Бетховен.

[...]

27 января 1943 г., Йошкар-Ола

Гитлер разбит вдребезги на Волге и в Африке. По всем «объективным по-

*С. И. Вавилов за чтением книги о Леонардо.
Йошкар-Ола, 1943 г.*

²⁰ Как ясно из дневника, именно в связи с работой над книгой о Ньюtone Вавилов обратился к фигуре римского поэта, последователя учения Эпикура — Тита Лукреция Кара. Видимо, по инициативе Вавилова Академия отметила 2000-летие со дня смерти Лукреция (1945 г.). В январе 1946 г. он выступил на Общем собрании АН СССР с докладом «Физика Лукреция». В том же году в серии «Классики науки» издана поэма Лукреция «О природе вещей» параллельно на двух языках — латинском и русском, с послесловием С. И. Второй том, включавший статьи о Лукреции, комментарии, фрагменты Эпикура и Эмпедокла, вышел в 1947 г.

²¹ В январе 1943 г. отмечалось 300-летие со дня рождения И. Ньютона. На юбилейном заседании Вавилов выступил с докладом «Эфир, свет и вещество в физике Ньютона». Под редакцией С. И. Вавилова был выпущен сборник «Исаак Ньютон» (М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1943), вошедший в историю ньютоноведения. См. еще запись в дневнике от 26 февраля 1943 г.

казателям» — положение на фронте, нефтяному вопросу, американским ресурсам и прочему — полный провал гитлериады. Выше моего понимания: упорство, упрямство и отсутствие капитуляции. Не собирается же Германия устраивать себе «харакири»?

Я по-прежнему с болью в левом боку. За время болезни изучил «мушкетерский вопрос». Прочел «мемуары д'Артаньяна» — сочинение какого-то графомана Марто. Ясно, что в XVIII веке жил настоящий д'Артаньян — умный, честный, веселый, храбрый, с ясным чувством общественного долга. Может быть, это идеальный вид людей, наиболее нужных и к жизни способных?

[...]

4 февраля 1943 г., Йошкар-Ола

Насколько могу судить, шансы Гитлера спустились до нуля, начался разгром. Если во всем этом хотя бы какие-нибудь следы разума и расчета, надо ждать немецкой капитуляции. Четвертый день хожу в институт.

[...]

26 февраля 1943 г., Йошкар-Ола

Вернулся сегодня из Казани. В Академии развал. По примеру вице-президентов начинают всеми правдами и неправдами диффундировать в Москву. Поодиночке и группами, лабораториями. Вовсе не из патриотических порывов, а для охраны собственных квартир, захвата зданий, теплых мест. В результате в Казани работа почти прекратилась, хлопочут о вагонах, билетах, упаковываются, и все нервно дрожат, как бы их не обогнали.

Положение Физического института совсем дурацкое. Благодаря Шмидту и Иоффе злосчастное здание на Миуссах²² захвачено Электропромом, а потому нервозность у фиановцев больше, чем у других. Придется ехать в Москву. Но больше для того, чтобы совесть была чистой, сделать что-нибудь не надеюсь.

В Казани праздновали 25-й юбилей Красной Армии; разговоры о том, что явно «перегнутый» и «переборщенный» юбилей Ньютона.

Нужна какая-то большая радость.

[...]

2 марта 1943 г., Йошкар-Ола

Начало весны. Оттепель с холодами, ветры. Надо ехать в Москву. На фронте затишье.

[...]

²² Здание на Миусской площади строилось для лаборатории П. Н. Лебедева. Но возведено оно было уже после смерти великого физика. После революции в нем разместился Институт физики и биофизики, который создал и возглавил учитель С. И. Вавилова П. П. Лазарев (1878–1942). В 1931 г. Лазарев был арестован. Вскоре после этого институт расформировали. В 1934 г. здание передали переведенному из Ленинграда ФИАНу. См. запись от 28 марта 1943 г., а также: Франк И. М. Дополнения. 300 лет со дня рождения Ньютона // Сергей Иванович Вавилов. Очерки и воспоминания. 3-е изд. М.: Наука, 1991. С. 315–323.

28 марта 1943 г., Йошкар-Ола

Вернулся из Москвы через Казань, был в Москве с 10-го по 24. Из Казани в Москву 4 ночи в поезде.

В Москве тяжелые безрезультатные хлопоты о здании Физического института. По словам Шмидта О. Ю., он, видите ли, ошибся, передав здание в июле 1941 года Электропрому. Несчастное здание, помню еще в 1916 г. в кирпиче, в лесах. Потом арест Лазарева, лукашовский институт спецзаданий, теперь этот Электропром. Не знаю, с какой стороны начать. И грустно за дом, как за живого человека.

Непостижимое «разрешение» Академии эвакуироваться в Москву. В итоге академические институты заняты только переездными делами. Предстоящие выборы в Академии с ограниченными специальностями.

Получил 2-ю Сталинскую премию²³. Митинг по этому случаю. Наговорили много хороших слов.

В Москве народ голодный. Разговоры только о еде. Екатерина Николаевна²⁴, несчастная, голодная. В Президиуме Академии появились бутерброды и пирожки, потом исчезли.

[...]

1 апреля 1943 г., Йошкар-Ола

Умер Рахманинов. Радио заговорило музыкальным голосом.

[...]

8 апреля 1943 г., Йошкар-Ола

Сегодня еду в Казань. На каждого и на самого себя смотрю, как на актера, стараюсь разгадать настоящее, не актерское. Но этого настоящего не оказывается. В Казани хаос, сумбур, отсутствие всякой стройности. Готовятся в Москву. Война еще продолжается. Даже в Казань в 5 утра прилетал немецкий разведчик. Немцы, как курица, которой голову срезали, но она продолжает еще бегать.

[...]

16 апреля 1943 г., Йошкар-Ола

Грустное поминальное заседание о П. П. Лазареве. Накануне спрашивает Я. И. Френкель: «Зачем устроили эту скукоту?» — «Когда вы умрете,

²³ Это первая государственная премия, полученная С. И. Вавиловым. Сталинская премия второй степени (1943 г.) была присуждена ему за работы в области люминесценции и квантовых флуктуаций. С. И. Вавилов был удостоен еще трех Сталинских премий — первой степени в 1946 г. за открытие нового вида свечения (явление Вавилова-Черенкова) вместе с И. Е. Таммом, И. М. Франком и П. А. Черенковым; в 1951 г. (посмертно) за разработку люминесцентных ламп (совместно с В. Л. Левшиным, В. А. Фабрикантом и др.) и в 1952 г. (посмертно) за выдающиеся научные работы в области физических наук, за книги «Микроструктура света» (1950) и «Глаз и Солнце» (1 изд. — 1927, 5-е — 1950).

²⁴ Екатерина Николаевна Вавилова (рожд. Сахарова, 1886–1963) — первая жена Н. И. Вавилова.

Я. И., то и по вас, вероятно, устроят такую же скукотищу. Это только об академиках, о членах-корреспондентах не будут». Предвыборные гадости.
[...]

5 июля 1943 г., Йошкар-Ола

Страшная телеграмма от Олега²⁵ о смерти Николая. Не верю. Из всех родных смертей самая жестокая. Обрываются последние нити. Реакция — самому умереть любым способом. А Николаю так хотелось жить. Господи, а может, все это ошибка?
[...]

6 июля 1943 г., Йошкар-Ола

Не забуду никогда вчерашнего Олюшкиного крика, плача, когда сказал ей о Николае. А у меня замерзла окаменевшая душа. Работаю, живу как автомат, зажав мысль. Спасаясь опять итальянской книгой. Опять:

Когда я буду погибать,
.....
Тогда волшебной пеленой
Ты ниспади передо мной,
Италия, мой край родной.

Лет 30[назад] писал это. Там оно и есть. Сейчас так хочется тихой, быстрой и незаметной смерти.
[...]

8 июля 1943 г., Йошкар-Ола

Цепляюсь за надежду, что телеграмма ошибочная. В это же время надо работать, надо лететь в Москву.
[...]

25 июля 1943 г., Йошкар-Ола

Все идет, как будто ничего не случилось. С 8 до 6 в институте. За исключением Олюшки поговорить не с кем.

В институте непрерывающаяся череда разговорных дел. Визит С.Г. Суворова²⁶ из ЦК. Страшная тень Николая начинает в памяти затуманиваться. Через неделю надо опять в Москву.
[...]

²⁵ Олег Николаевич Вавилов (1918–1946) — физик, окончил МГУ (1941 г.), работал в ФИАНе. Сын Н. И. Вавилова О нем см. также запись в дневнике от 12 февраля 1946 г.

²⁶ Суворов Сергей Георгиевич (1902–1994) — в 1940–1947 гг. заведующий отделом науки Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). Позднее — заместитель главного редактора журнала УФН (1954–1987).

5 августа 1943 г., Йошкар-Ола

Война продолжается. Советские войска вошли в Орел. Три года назад 6 августа был арестован Николай. Теперь он умер. Говорить я ничего не могу.

Москва накануне конца войны. Гитлеровское безумие кончается, как оно кончилось в 1918 г.

22 августа уехал из Москвы с А. А. Лебедевым²⁷, молчаливым как камень. Но через неделю опять надо ехать в Москву.

[...]

5 сентября 1943 г., Москва

Прошное воскресенье выехал с Олюшкой через Казань в Москву... В понедельник — Физический институт. Пустующий Казанский университет, из которого выбирается ошалевшая Академия наук. В ФИАНе грустно. Явное отсутствие оживляющего «фавора». Чувствую, что у них одна надежда на меня. Словно малые дети. О науке мало говорить приходится. Телефоны, посетители с 8 утра до 12 ночи.

Николай. С ужасом смотрю на себя в зеркало, узнаю его жесты и черты. Хожу в его пальто.

[...]

10 октября 1943 г., Москва

Не писал почти месяц. Балаган академических выборов. По специальности «теоретическая физика» особая рекомендация — выбрать Курчатова.

Война за миусский институт, искореженный, изуродованный. Олег из Саратова приехал. Николай умер 26 января 1943 г. До 20 апреля в камере смертников²⁸. Смерть, вероятно, от цинги. Хожу в Николаевом пальто. Читаю В. В. Розанова и Радищева.

[...]

17 октября 1943 г., Москва

Ну а теперь житейское. Мучительная неделя. Каждый день просыпаюсь в сырой, холодной московской комнате, с ужасом предвидя Миуссы, Электропром, Харитоньевский переулок.

[...]

26 октября 1943 г., Йошкар-Ола

Получил приглашение в НКВД. Пришла бумага относительно Николая о его смерти 26 января в Саратове. Прочел и расписался. Последняя тоненькая ниточка надежды оборвалась. Надо понять полностью — Николай умер.

[...]

²⁷ Лебедев Александр Алексеевич (1893–1963) — физик-оптик. Чл.-корр. (1939), академик АН СССР (1943), Герой Социалистического Труда (1957). Работал в ЛГУ и в ГОИ, одним из основателей которого он был.

²⁸ Так у С. И. Вавилова.

14 ноября 1943 г., Йошкар-Ола

Опасаясь, что сойду с ума. Смерть Николая поставила последнюю точку в той пронзительной, безотрадной картине на людей. На фронте немецкая агония, взятие Киева, Житомира.

18 ноября надо ехать в Москву.

Кончается книга. В ней остались следы целой эпохи, 1935–1944 гг., от Парижа до Царевококшайска ²⁹. Книгу когда-то переплел в издательстве Академии И. М. Эйзен. Замена убегающей памяти. Жалкий призрак надежды поймаешь уходящее.

Если книжку не сожгут, не выбросят, не изорвут и она дойдет до человека с душой и умом, — он, наверное, кое-что поймет относительно трагедии человеческого сознания.

Книга вышла страшная. Книга смертей. Умерли самые близкие: мать, сестра и, наконец, самое страшное — Николай. Застрелился Д. С. Рождественский, умер П. П. Лазарев. Война, Ленинградский ад, внутреннее опустошение, смертельные холодные просторы. Полное замирание желания жить. Остались только Олюшка да Виктор. Начинал книгу совсем иначе. Вышла — траурная книга.

[...]

12 декабря 1943 г., Йошкар-Ола

Ночью в поезде из Москвы 7 декабря заболел: жар, тошнота, упал в обморок. При помощи добрых людей добрался 9-го сюда и вылеживаю в мучительном головокружительном состоянии. По-видимому, комбинация обычных легочных неприятностей с чем-то вроде отравления. Голова тяжелая, пустая. Читаю дурацкие немецкие фантастические романы, написанные в 20-х годах, и снова мечтаю о незаметном переходе в небытие.

[...]

26 января 1944 г., Москва

Сегодня год со дня смерти Николая. Как он умирал? Ничего не известно. Наверное, страшно и невыразимо грустно. Память, остающееся сознание, душа... «Душой века измерил, а жизнь прожить не сумел». Нужно и хотелось бы писать, но руки ослабли. На похоронах сестры в 1940 г. говорил с ним, кому из нас кого хоронить придется? Прощай, Николай, скоро туда же...

В Москве с 14 января. Обычный страшный вихрь людей, желающих «утилизировать» сплетни, а серьезно не за что зацепиться. Кругом усталые, бездарные подчиненные, подгоняемые охотой за премиями, орденами...

[...]

30 января 1944 г., Москва

Третьего дня во сне видел Николая, одно мгновение, но с такой отчетливо-

²⁹ Название Йошкар-Олы до 1919 г. Так в разговорах с родными С. И. Вавилов обычно называл столицу Марийской АССР.

ПРЕЗИДИУМ
ВЕРХОВНОГО СОВЕТА
РОССИЙСКОЙ
СОВЕТСКОЙ ФЕДЕРАТИВНОЙ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
РЕСПУБЛИКИ

18 февраля 1944 г.

№ 102

МОСКВА

При отрыве просить сослаться
на № и дату

Депутату Верховного Совета РСФСР

г-ну ВАВИЛОВУ С.И.

Первого марта с.г. в г. Москве созывается
с очередная сессия Верховного Совета РСФСР.
Ваше участие обязательно.
Прошу подтвердить получение настоящего
извещения.

З.о. Председателя Президиума
Верховного Совета РСФСР
(И. Елассов)

И. Елассов

Извещение, полученное С. И. Вавиловым, на сессию ВС РСФСР, 1944 г.

стью и странной грустью, и опять один вопрос: «Ведь ты умер?» Необыкновенно гнилая зима. Каждый день отвратительный таящий снег. Так осрамились и «крещенские» морозы.

Освобожденная октябрьская дорога. Нужно думать о возвращении в Ленинград... Пишу со странным напряжением доклад «Ленин и современная физика»³⁰.

[...]

2 февраля 1944 г., Москва

Не знаю, как вырваться из путаной сети дел, больших, мелких. Сыплющихся отовсюду. Каждое мгновение чувствую, что что-то забыл, что-то не сделал, ощущение грешника, не выполнившего главного. Усталость, растерянность.

После возвращения из плена в феврале 1918 г. в Москву началась совсем другая жизнь. 26 лет, но до сих пор кажется, что это только интересы дня, что жизнь еще начнется.

Ночью. Светлое пятно: был в Большом — «Шопениана», «Иоланта». Слово заглянул в четвертое измерение. Музыкальная поэма света и зрения. Еле удержался от слез. Искреннее, совсем не фальшивое, доходящее до душевного дна — только музыка. В Большом не был, кажется, с переезда в Ленинград. Все то же, и тени старые встают 1912, 1913 года. В ложах, кажется, си-

³⁰ Доклад опубликован в «Вестнике АН СССР». 1944, № 3; см. также: С. И. Вавилов. Собр. соч. Т.3. С. 63–84.

дят старые московские буржуи, профессора, ищу капельдинеров в чулках и красных камзолах. Память, память... Но все-таки люди — деревянные солдатики, и только музыка некоторым что-то говорит.

[...]

4 марта 1944 г., Москва

Сегодня кончилась сессия Верховного Совета РСФСР. Четыре дня. Соседи по скамейкам: М. М. Литвинов, в сером дипломатическом одеянии с погонями, и Дунаевский. Сегодня наблюдал за Буденным. Какие события? Ленинград, Сталинград. Здесь бы Гомер нужен был. Миуссы.

[...]

25 марта 1944 г., Йошкар-Ола

Сложнейшее путешествие из Москвы сюда с Олюшкой и 80-летней Верой Павловной. Постоянная боязнь, что не подадут машины. Сегодня добрались, и чувствую бесконечную усталость. Опять спуск из громадной, суетливой и в сущности страшной Москвы в провинциальную Казань и в деревенский Царевококшайск.

Мне сегодня 53 года. И совсем все равно. Могу умереть, могу жить. Наблюдаю за старушкой Верой Павловной. Живое умирание при веселом характере и постоянном старушечьем болтании.

[...]

19 мая 1944 г., вечер, Ленинград

Почти через 3 года. Острое, болезненно-жалостное чувство и к городу и к себе. Призрак стал еще более исхудавшим, скелетообразным. Дорога... Полное безлюдье в полууничтоженных избах вдоль полотна на всем пути от Москвы до Ленинграда. От Чудова до Колпина — страшное поле войны. Трупы убрали, но сожженные леса с отбитыми верхушками. Окопы, укрепления — страшный след великого сумасшествия или глупости Гитлера.

А вместе с тем так же спокойно стоят люди на станциях, как три года назад. Так же иду по Менделеевской линии, поднимаюсь по елисеевским ступенькам Оптического института. Снаряд, разорвавшийся в лаборатории. Пустые комнаты. Ленинградская стройность, облезлость. Людей не видно. Помпея. Пустые дома, Кирпичный переулок, Николаева тень. Могила отца на кладбище Александро-Невской лавры.

И я с безысходной грустью, отчаянием, безнадежностью в этой печали белых ночей мучительно страшного и замечательного города. «Красуйся, град Петров, и стой неколебимо, как Россия»

Слезы и какая-то страшная грустная радость.

[...]

20 мая 1944 г., утро, Ленинград

Остановился в «Астории». Неработающие уборные. Комната без ключей. Грязный ресторан. В окно — Исаакий со своей солидностью и красотой. Ночь. Силуэт на фоне петербургского неба. Утром — видно, что власти вме-

сто сквера засевают картофель. На площади — бывший дворец, где помещался институт Николая. Если бы в эти стены вновь вселить душу и Бога, — все было бы понятно. Сейчас нет. Призрачный, внутренне противоречивый организм — «материалистический призрак». Ходил около квартиры, в ней еще не был. Жутко. Где же дом? Смотрю — почти воскресение из мертвых: Нева, Исаакий, Александровская колонна, дали, бледность... и почти нет реакции. Словно переворачиваешь бесчисленные страницы старого, примелькавшегося журнала.

[...]

21 мая 1944 г., утро, воскресенье, Ленинград

Вчера до вечера хождение и езда (в «ЗИСе») по поводу возвращения Оптического института обратно сюда. Люди с теми же фразами, секретарши с повелительным тоном, телефоны и пр. Смольный с изменившимися церемониями. Обуховский завод, «Большевик» — залечивают бесчисленные раны обстрела. В трамваях, на улице много улыбок. Солнце, кончившаяся мука постоянного риска смерти.

Вечером при помощи коменданта попал на несколько минут в свою квартиру на Биржевой линии. Как вход в могилу Тутанхамона после раскопок. Краснодеревянные шкафы, стулья, книги, книги без конца, запыленные. На стене портреты композиторов — следы о Мише Хвостове, умершем здесь с голода. Восковой Ньютон на стене. Тарелки и несомненно распроданные носильные вещи.

До того примирился с мыслью, что все это отрезано, этого нет, что смотрю как на найденный клад. Печаль и радость. Но все же — где же дом? Стены, стройность, река, бледное небо, белые ночи и совсем другие люди, постепенно все это наполняющие, и все же формирующееся по-петербургски. Город заставляет жить по-своему. Вечером прошел по улице Гоголя. Из квартиры Николая светится лампа с оранжевым абажуром.

[...]

10 августа 1944 г., Москва

Отказали Оптическому институту в переезде в Ленинград. Очень это тяжело. Верчусь, хлопочу, стараюсь попасть к Жданову, письма, телеграммы, кручение «вертушки». Встреча старых знакомых: Молодая³¹, Успенский. Постарели, похудели. Связей с ними почти не осталось.

[...]

28 ноября 1944 г., Москва

Вчера умер Л. И. Мандельштам, пожалуй, самый замечательный человек среди ученых, которых я в России знал. Сверхчеловеческая тонкость физического мышления. Редчайшая моральная честность в самых тяжелых условиях с добротой и добродушием и общая высокая культура. Вчера был день рождения Николая. Вчера с визитом у президента Комарова В. Л. в его купе-

³¹ Молодая Евдокия Константиновна (?—после 1972) — жена Т. К. Молодого (1889–1929), коллеги С. И. Вавилова по МГУ и Институту физики и биофизики.

ческом особняке на Пятницкой. Разговор о 220-летнем юбилее Академии. Сейчас пойду за книгами.

[...]

28 апреля 1945 г., Йошкар-Ола

Завтра, по-видимому, уеду с Олюшкой в Москву, а затем в Питер, круг замыкается. Йошкар-Ола с ее тишиной, лесами и настоящей провинциальной жизнью не только силы поддержала, но сделано здесь, конечно, много больше, чем сделал бы в Москве и Ленинграде. Поэтому, вероятно, Йошкар-Ола откристаллизуется в памяти хорошим образом.

Жить осталось немного. Узнал и понял себя самого и больше всего сделал бы, вероятно, где-нибудь во Флоренции среди книг, старины и благородной красоты.

Привезли 90-летнего Пэтена в Париж. Поймали Бенито Муссолини.

[...]

29 апреля 1945 г., Вербное воскресенье, Йошкар-Ола

Сегодня должен уехать. Вчера последний сентиментальный рейс по серым кособоким улицам городка. «Пивзавод» на месте собора, восстановленная церковь на здании со сломанной маковкой... Все-таки, вероятно, Йошкар-Ола спасла. Николай. Война. Дергание. Сижу сейчас последние минуты в кабинете, в котором еще три дня тому назад стоял великолепный петербургский письменный стол из Гос. Совета, ковры, занавески, китайская роза и пр. Сейчас стандартный письменный стол, за которым сидит чиновник, стулья и деревянный деревенский пол. Светит солнце, как будто начинается новый этап.

Гитлер предлагает капитуляцию...

[...]

1 мая 1945 г., Москва

С 29-го на 30-е ночь в Казани, в ночлежке в агитпункте, на стуле. С грехом пополам и трениями с поездом, пришедшим и ушедшим раньше времени, очутились в вагоне. Грязные остатки снега. В вагон ввалилась божья старушка с ведрами: с яйцами, творогом.

[...]

4 мая 1945 г., Москва

Взятие Берлина. Самоубийство Гитлера и прочих.

[...]

6 мая 1945 г., Пасха, Москва

Послезавтра в Ленинград. Страшно. Нужна «великая научная идея». Война почти кончилась. Русские в Берлине, немцы частями капитулируют. Начинается новая эра на свете.

[...]

9 мая 1945 г., Ленинград

День Победы. Об этом узнали на ленинградском вокзале. Остановились с Олюшкой в «Астории». Холодно. Добрались до Биржевой. Квартира, старые красивые вещи, но все стало относительно условным. Сел в мягкое кожаное старое кресло и почти ушел в небытие.

Победа. На улицах холод, холодные интеллигентные поздравления. Иоффе в Оптическом институте. Прохожу мимо Кирпичного переулка. Оторопь. Ленинград снова и снова удивляет своей красивой искусственностью.

[...]

13 мая 1945 г., Ленинград

Йошкар-Ола, Казань, Москва, да и сам Ленинград — все проходящий милостивый туман. Сегодня прибыл весь Оптический институт. Разгрузка. Машины. Пробежал по книжным лавкам. Книг здесь много, и они раз в 10 дешевле Москвы.

Страшные дни блокады и раны на зданиях. В городе жизнь, пожалуй, больше бодрости, чем у москвичей. У меня — отец, Николай. Узнаю в своих жестах, лице, словах. Чужая жизнь в себе. Трудно сказать кому-нибудь другому. Сейчас в моей комнате как будто четырех лет не было. Книги, замечательные книги. Как жалко, что с ними, умирая, придется расстаться. Афиша несостоявшегося концерта Миши Хвостова в декабре 1941 г. Он умер с голода в этих комнатах. Фотография букинистов на Сене в Париже. Вид Флоренции.

В Академии бабы с мочалками и керосином отмывают ломоносовскую Полтавскую мозаику. Кто-то украл старую акварельку с видом замка, рисованную дядей Н.М. Постниковым. Беспомощно блуждаю среди девяти ламп СВД³² и не могу заставить приемник работать.

18 мая 1945 г. (в поезде)

Опять в поезде. Последние дни убирал книги. Институт пустой, мрачный, сырой. Везут ящики. Дождь. Ведь кончилась война, захватившая все. Победа. А здесь разрушенные дома. 17-летний солдат, прижавшийся к стене. Поезд тронулся...

[...]

20 мая 1945 г., воскресенье, Москва

После Ленинграда Москва показалась особенно бездарной, бескрылой, монотонной. И сразу сердце захолонуло от множества моих здешних обязанностей. Кругом будни. Ходил за книгами.

[...]

29 [мая]³³ 1945 г., Ленинград

Приехал 25-го. Борюсь с книгами, отделяя ненужное, и стараюсь сделать

³² Марка радиоприемника.

³³ У С. И. Вавилова ошибочно написано 29 июня.

видными и доступными научные. Борьба с приемником. За 4 года сырости сгнил конденсатор. В Академии подготовка к «странному» юбилею ³⁴.

В Москве 24-го был на кремлевском приеме. Блистательный Георгиевский зал не красивый, но блистательный. Чинные гости — около тысячи. Громкие победные туши. Замечательные сталинские слова о русском народе. Концерт — помесь Улановой с хором Пятницкого. Гомерическая еда. Прошел по подчищенному Кремлю, мимо Успенского собора, немецко-русского тоновского кремлевского дворца.

[...]

3 июня 1945 г., воскресенье, Ленинград

Странность города резче, чем раньше. Раны на стенах, выкорчеванные снарядами воронки, обуглившийся Гостиный двор, разбитые фанерные окна. И широта времен XVIII и XIX вв. Полное несоответствие теперешних обитателей и этого старого города, этой северной природы.

Копаясь в комнате, вот уже две недели, в книгах и бумагах. Задыхаюсь в пыли. Сколько погибло сейчас книг. Оптический институт разбирается. Ящики, доски. Сегодня надо в Москву. В вагоне с ленинградскими депутатами на сессию Верховного Совета РСФСР. Нелепая история с отсутствием портрета Лебедева на пригласительном билете ФИАН на юбилей.

Сессия. Сталин на первом заседании. Соседи прежние: Литвинов, Дунаевский. Заседание в Кремлевском дворце. Тоновские красоты.

Никаких мыслей, разрываюсь между Питером и Москвой. Йошкар-Ола, война в далеком тумане. Превращаюсь из человека в предмет.

[...]

25 июня 1945 г., Москва

Парад на Красной площади по случаю Победы. Все время проливной дождь. Серые «Торговые ряды» перед глазами. Страшный вихрь, пролетевший над землей, кончился таким парадом. Жуков, Рокоссовский. Немецкие знамена, брошенные перед трибуной.

Сегодня еду в Ленинград.

[...]

29 июня 1945 г., Москва

Юбилей продолжается. Концерты в Большом в стиле московской солянки: Шостакович и Уланова вместе с ансамблем песни и пляски, украинские танцы и пр.

[...]

³⁴ В 1945 г. отмечалось 220-летие АН СССР. Одновременно в июне 1945 г. ФИАН отметил 220 лет «своего существования как старейший центр экспериментального исследования в области физики в нашей стране, именовавшийся с 1725 по 1912 г. Физическим кабинетом, с 1912 по 1921 г. — Лабораторией и с 1921 г. — Институтом» (Вавилов С. И. Собр. соч. Т.3. С. 468).

*А. Н. Крылов и С. И. Вавилов
во время юбилейной сессии АН СССР, посвященной 220-летию, 1945 г.*

1 июля 1945 г., Москва

Ящик для деловых конвертов. Вчера вечером опять прием в Кремле, в Георгиевском зале. Речи.

А сумею ли я что-нибудь сделать для страны, для людей? Повернуть ход науки? Неуютно, смутно, тяжело. Вчера вечером 3 часа в ЦК — у Александра³⁵ и Суворова. Сам не свой. Похолодало.

[...]

15 июля 1945 г., Москва

Сегодня утром с Виктором ходил в кино. Цветная мультипликация Диснея «Бемби» про зайцев, оленей, птиц, и полная гармония их с бытием. Ездил сегодня с Виктором и шофером Сашей Чайкиным на дачу к Весниным за 60 км в разбитый Ново-Иерусалим. Уютные зеленые поля и леса.

³⁵ Александров Георгий Федорович (1908–1961) — советский философ, академик (1946), в 1940–1947 гг. возглавлял Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б).

18 июля 1945 г., Москва

Вчера выбрали: 92 голоса из 94 ³⁶. Что на самом деле думали про себя эти академики, конечно, уже растаяло в вечности. Сегодняшний день не повторяет вчерашний. Еще до выборов погружение в сплетни, пересуды, «мушкетерство», окружение Комарова. Накануне ездил с А. Г. Черновым ³⁷ на Николину гору к Комарову. Тяжелая картина старческого распада, нелепого цепляния за призраки власти, за должности, обида неизвестно на что. «Юношеская энциклопедия», Институт истории естествознания.

[...]

22 июля 1945 г., Ленинград

Приехал 20-го, в купе с А. Ф. Иоффе. Разговоры простые, дружелюбные. На вокзале букеты, частью обрадованные, частью испуганные «встречатели». 20-го сначала дома. Олюшка рада, хотя по сути дела плакать надо, настолько все это несвойственно, чуждо и удаляет от самого себя. Себя больше нет. Потом Оптический институт, отказ от «заместительства». Маленький разговор в лаборатории. Митинг на зеленом дворе. Много хорошего и по существу правильного сказано.

[...]

26 июля 1945 г., Ленинград

Сегодня надо ехать в Москву, как на казнь. Отрыв от науки, от книг, от себя.

[...]

7 августа 1945 г., Москва

Вчера ночью радио — об урановых бомбах. Начало совсем новой фазы человеческой истории. Смысл человеческого сосуществования. Возможности необъятны. Перелеты на другие миры. Гораздо дальше Ж. Верна. Но неужели горилла с урановой бомбой? Ум, совесть, добродушие — достаточно ли всего этого у людей. В данный момент я в Академии. Просто страшно. Наука получила такое значение, о котором раньше писалось только в фантастических романах... Что делать? Прежде всего — усиление ядерного наступления. А вместо этого В.Н.Образцов ³⁸, Академпродснаб и пр.

[...]

13 августа 1945 г., Москва

Завтра в Ленинград. Неприятное чувство, что не думаю и не делаю главного. Теперь для Академии, для науки. Каждую минуту чувствую, что делаю мелочи, а не главное. Как преступник. Надо перестроить и жизнь и думы.

[...]

³⁶ Речь идет об избрании С. И. Вавилова президентом АН СССР вместо В. Л. Комарова.

³⁷ А. Г. Чернов — секретарь президента АН СССР В. Л. Комарова.

³⁸ Образцов Владимир Николаевич (1874–1949) — ученый в области транспорта, академик (1939), с 1939 г. возглавлял секцию по научной разработке проблем транспорта АН СССР.

15 августа 1945 г., Ленинград

По радио узнал о японской капитуляции, вызванной атомными бомбами. Физика, наука в качестве арбитра окончательного. Снова мысль о человеке, становящемся богом благодаря разуму своему. Но это, пожалуй, настоящее единственное доказательство бытия божьего.

[...]

17 августа 1945 г., утро, Ленинград

Урановая бомба — вполне реальная, несомненная, не условная вещь, и она, вероятно, определит дальнейший ход мира. Сегодня месяц академического ярма. Чувствую, что я совсем не то, что надо. Малое мешаю с большим. Вероятно, очень скоро окажусь не ко двору. Пугает отсутствие научного творчества и подъема. Жарко, комары, мухи. Со ступенек Академии — красота Невы. Послезавтра опять в Москву.

[...]

6 сентября 1945 г., воскресенье, Узкое

Пишу ручкой, привезенной из Вены и поднесенной мне в качестве «борзого щенка». Ручка — плохая. Ходили с Олюшкой за грибами. Грибов мало, много мокроты. Днем — посещение Кафтанаова³⁹, Вознесенского.

[...]

9 сентября 1945 г., Москва

Вчера приехал из Узкого. Напоследок, за 15 минут до отъезда, — белый гриб в березовой аллее. Сегодня в бывшем музее Александра III — «Сикстинская мадонна» без рамы, «Венера» Джорджоне — тоже без рамы. Это море картин, рисунков, фарфора — почти превратившихся в простые тонны⁴⁰. Ум отупел, и даже эта сильнейшая доза — почти без впечатлений. Страшно.

7 октября 1945 г., Москва

Дня четыре тому назад — в Кремль, в СНК, бюро СНК, Берия, Маленков, Вознесенский, Каганович — об академических делах. В Академии быюсь как рыба об лед со строительством, квартирами. Всего меньше науки. В ФИАНе тихая прострация, и тоже нет науки. Вчера с Зубовым, Бруевичем⁴¹ — целый день ездил в поисках места для дач: Петушково, Юдино, Поречье. Нашел по-

³⁹ Кафтанаов Сергей Васильевич (1905–1978) — инженер, химик. В 1937–1946 гг. — председатель Комитета по делам высшей школы при СНК СССР, в 1941–1945 гг. — уполномоченный Государственного комитета обороны (ГКО) по науке. В 1946–1951 гг. — министр высшего образования СССР.

⁴⁰ Речь идет о произведениях искусства, вывезенных из Германии в 1945 г. и хранившихся в Музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина (до 1918 г. — Музей изящных искусств имени императора Александра III). В 1955 г. в музее была организована выставка отреставрированных работ. В том же году возвращены Дрезденской галерее.

⁴¹ Зубов И. В. — в то время управляющий делами АН СССР; Бруевич Николай Григорьевич

следний белый гриб. Тихая, уютная родная природа, — от которой теперь так далеко. Сегодня во сне — живой Николай, появившийся в Академии. Холодно, дождь.

[...]

14 октября 1945 г., Москва

Воскресенье. Грязный снег. Предстоит идти к В.Л. Комарову по случаю дня рождения. Тревоги по случаю громадной неуклюжей Академии, с которой справиться трудно, и не всегда удается отличить хорошее от плохого, мудрость от глупости, истину от обмана. Грусть потому, что удаляюсь от своих, от Олюшки, Виктора. Надо сделать все, чтобы Пулково воскресло. Нельзя терять такое — человеческое достоинство требует.

Потом опять Федосеев, Князев в архиве. Вечером одолели посетители (Радовский, Зильберштейн, Лихтенштейн, Пантелли, Остроумов) ⁴². Единственно радует золоченая статуя Коллеони на шкафу — Олюшкин подарок. Да еще бесконечные цветы. Боже мой, Боже мой!

[...]

23 октября 1945 г., Москва

Вчера в 4 часа был у Молотова В. М. в Кремле. Лейтмотив моего доклада — нашей науке нужна очень большая помощь. Это было сделано в 18-м году, нужно еще раз. Разговор длился 1,5 часа.

[...]

31 октября 1945 г., Ленинград

Завтра опять в Москву. Без остановки. Опять питерские неприятности. И. А. Орбели ⁴³ позвал в Эрмитаж возвращающийся. Вытаскивают, развешивают.

(1896–1987) — машиновед, академик (1942), академик-секретарь АН СССР (1942–1949). О его роли в жизни Вавилова см.: *Кривоносов Ю. И. С. И. Вавилов — старые нападки и новые документы // Исследования по истории физики и механики*. 2001. М.: Наука, 2002. С. 62–81.

⁴² Речь идет, видимо, о философе *Петре Николаевиче Федосееве* (1908–1990), который в 1941–1955 гг. работал в аппарате ЦК ВКП(б), чл.-корр. (1946), академик (1960). *Князев Георгий Алексеевич* — архивист с дореволюционным стажем, директор Архива АН СССР (Ленинград). *Радовский Моисей Израилевич* (1906–1964) — историк техники, работал в Ленинграде (ЛО ИИ-ЕТ АН СССР), в 1942–1943 гг. — секретарь Комиссии Президиума АН СССР по ознаменованию трехсотлетия со дня рождения И. Ньютона. *Зильберштейн Илья Самойлович* (1905–1988) — литературовед, искусствовед, коллекционер; один из инициаторов издания и редактор сборников «Литературное наследство». (С 1931 г. вышло свыше 100 томов этой серии.) *Лихтенштейн Ефим Семенович* (1908–1980) — книговед, многолетний ученый секретарь Комиссии АН СССР по изданию научно-популярной литературы, председателем которой в 1933–1951 гг. был С. И. Вавилов. В дальнейшем — заместитель директора, и.о. главного редактора Издательства АН СССР; ученый секретарь Редакционно-издательского совета (РИСО) АН СССР. *Пантелли Л. А.* (ум. в 1978 г.) — секретарь дирекции ГОИ, с 1945 г. — секретарь президента АН СССР С. И. Вавилова в Ленинграде. *Остроумов Борис Андреевич* (1887–1979) — радиофизик, историк науки, работал в ГОИ, затем в ЛО ИИЕТ АН СССР.

⁴³ *Орбели Иосиф Абгарович* (1887–1961) — востоковед, филолог, археолог, историк. Чл.-корр. (1924), академик (1935) АН СССР. Директор Эрмитажа (1934–1951).

вают. В платяном шкафу у Орбели без рам «Юдифь» Джорджоневская, «Мадонна» Бенуа, «Мадонна Литта». Держу в руках — все так просто и эфемерно. Двор Зимнего дворца с сохранившейся старой темно-красной окраской. Мелочи дел. Академические институты в пыли, а надо всем этим атомная бомба. Людям снова надо изобретать и отогревать душу. Это она спасла и донесла древний вклад Джорджоне и Леонардо.

[...]

8 ноября 1945 г.,

Почувствовал всю тяжесть своего теперешнего положения. Состояние физики в целом. Русская физика с ее особенностями и слабостями. Физики и инженеры. И, наконец, я, совсем не инженер. Но надо делать. В теперешнем состоянии наука совсем не то, что искусство и футбол. Ее роль такая же, как армии. Жутко. Сегодня дома.

[...]

18 ноября 1945 г., Москва

Вчера вечером органнй концерт Гедике, Бах и Вагнер. Совсем другое измерение.

День ото дня становится невыносимей моя теперешняя бесконечная, грустная мозаика: квартиры, оборудование, строительство, предложения новых институтов по соображениям, главным образом, житейских удобств, сплетни, кляузы. Бр... И все дальше отходит настоящая наука. А без нее я ворона в павлиньих перьях. Давно не было такой грусти, а в самые трудные минуты жизни — спасение науки [в науке]. Надо спастись, если хочу жить.

[...]

1 января 1946 г., Ленинград

Дневники, записи вел почти непрерывно лет с 15-ти, правда, с перерывами. Зачем? По-видимому, бессознательная попытка осуществить... построение хеопсовой пирамиды в микромасштабе.

Сейчас это больше условный рефлекс. Привык. Польза некоторая: иногда можно на себя оглянуться. Мне скоро 55 лет. У меня большое «историческое» чувство. Всегда гляжу назад, хотя ясно вижу всю случайность человеческой истории, земли, меня самого. Как случайный камень на дороге, свалившийся с дороги. Так комар мог бы писать историю маленькой лужи, образовавшейся после дождя. Сознаю все это, а вот все же люблю архивы, старые книги, старые вещи, воспоминания. Как будто бы это большое.

Президентство свое до сих пор ощущаю как павлинье оперенье, совсем ко мне не приставшее. И тем не менее надо сделать то, что в моих небольших силах, чтобы упорядочить Академию. Прежде всего надо приучить видеть больших, по-настоящему талантливых людей. Знаю, что их очень мало, но без этого ничего не сделаешь. А далее для середняков нужна хорошая среда, институты, приборы, квартиры. Четыре главные науки сейчас: физика, химия, геология, биология.

[...]

25 января 1946 г., Москва

Предвыборный митинг. Кремль. Прием у И. В. Сталина. Молотов, Берия. Я вот замечаю, что в нужный момент я очень смелый. Это всегда было. И.В. сделал самые серьезные указания о расширении науки, о срочной базе для нее. Одобрил физико-химическое направление. «Гениев не бывает, их выдумали, влияет обстановка, условия». Очень скептический отзыв об Орбели⁴⁴. Разговор очень важный для Академии. Завтра три года смерти Николая.

[...]

12 февраля 1946 г., Москва

Опять катастрофа. Нелепый плевок природы. На Домбае (над Тебердой) где-то в снежной лавине погиб Олег Вавилов, сын Николая, на 28-м году. Третье поколение трагических смертей. Возвращение отца в Ленинград и смерть на глазах в 1928 году. Потом Николай 26 января 1943 г. в тюрьме в Саратове, теперь Олег. Идиотский случай. Опять смерть. И вчера же вручение депутатского удостоверения в райкоме.

[...]

24 марта 1946 г., Ленинград

Сегодня приехал. Поздравляют с рождением, хотя я привык его праздновать 25-го. «Борзые щенки» — портфель, полное сочинение Ньютона. Даже солнце на Невском и то не спасает. Может спасти только научное творчество, а его нет. Все время на людях.

[...]

21 апреля 1946 г., Москва

Жизнь мучительная. За эту неделю по 12–14 часов в день почти сплошь заседания (Сталинский комитет, Президиум, Институт).

[...]

9 мая 1946 г., Москва

День Победы. Год назад, в этот день, с Олюшкой приехали в Питер. Кончилась эвакуация. Я не предполагал, что начнется для меня такая страшная, совсем не свойственная «представительская» жизнь. Но так вышло.

С ужасом читаю в «Вестнике Академии» в каждом номере свои председательские, загробные речи, газетные статьи. Где же моя душа?

Ездил сегодня с Олюшкой в «Узкое». Весна только начинается. Развертываются березы. Туман. Дождь. Холодно.

[...]

⁴⁴ Видимо, речь идет о физиологе *Леоне Абгаровиче Орбели* (1882–1958), вице-президенте АН СССР с 6 мая 1942 г. по 19 января 1946 г. Он был дружен с С. И. Вавиловым.

*31 декабря 1946 г.,
7 часов вечера, Ленинград*

Первый день за два года — сбежал, не заходя в «присутствие». Уютный Питер. Ходил с Виктором по комиссионным и книжным лавкам. Покупал всякую чепуху. Сажу сейчас на мягком старом зеленом кресле, и прошедший год в полном тумане. Завтра опять в Москву. Мои итоги? Очень мало работы. Много усталости. Ничего большого, удовлетворяющего меня самого. Много копеечной лести, глупозлобных высказываний, и где же она, правда? «Что есть истина?» Этим пилатовским вопросом и кончу.

[...]

25 марта 1948 г., Москва

Не то вчера, не то сегодня исполнилось мне 57 лет. Я давно уже привык благодарить судьбу за каждый прибавленный год.

Сегодня 2 часа разговаривал с Емельяновым В. С.⁴⁵ — насчет аттестации старших научных сотрудников, и Вышинским. Потом бюро Отделения, спас М. Ордынку, которую хотели переименовать в Островскую.

[...]

7 августа 1948 г., суббота, Мозжинка

Газеты, полные Лысенки⁴⁶. Его триумф.

[...]

15 июля 1949 г., 9 часов утра, Мозжинка

1-го в 10 часов вечера принимал меня И. В. Сталин в присутствии Г. М. Маленкова. Разговор длился 1,5 часа об Академии и Энциклопедии. Встретил довольно строго, без улыбки, провожал с улыбкой. Неприятные слова пришлось слышать о геологах, сказано было, что, по словам министров, Акаде-

*С. И. Вавилов с внуком Сереей,
≈ сентябрь, 1949 г.*

⁴⁵ Емельянов Василий Степанович (1901–1988) — специалист в области металлургии. Чл.-корр. АН СССР (1953). В 1940–1946 гг. заместитель председателя и председатель Комитета стандартов при СНК СССР, с 1957 г. — начальник Главного управления по использованию атомной энергии при Совете Министров СССР.

⁴⁶ Речь идет о реакции на доклад Т. Д. Лысенко (1898–1976) на сессии ВАСХНИЛ о положении в биологических науках (август, 1948 г.).

мия «шалит» и ничего не даст. Передал я 15 бумаг. Не одобрил И. В. Сталин «лебединую песню» Щусева⁴⁷. В целом не знаю, хорошо или плохо. Настроение у меня очень тревожное. Надо идти в отпуск, а везде все не ясно.

[...]

1 января 1950 г., 11 часов утра, Ленинград

Не осталось почти своих близких, только Олюшка, Виктор да маленький Сережа⁴⁸. Остающиеся годы жизни надо полностью отдать государству. А сил мало. Сегодня с Олюшкой едем, жаль расставаться с маленьким Сережей.

[...]

25 июля 1950 г., вторник, 11 часов вечера, Мозжсинка

Сегодня 30-летие нашей свадьбы с Олюшкой. Целая жизнь прожита. В среднем, в основном, в главном — прожили хорошо, помогали друг другу. Вместе жить было менее страшно. Стали другими под взаимным влиянием, лучше стали. Есть Виктор, есть Сережа. Что с ними будет, не знаю, но помогаю им расти. Жаркий июльский день, первый такой за все лето. Все красуется, и так хотелось бы стать хорошим художником, чтобы все это удержать. Гости — дамы да Н. П. Пахомов⁴⁹. Они не мешали.

В общем: главное в жизни, по-видимому, сделано, остается доживать. Человек такой маленький перед громадой неизвестности, будущего.

[...]

7 августа 1950 г., понедельник, 12 часов вечера, Мозжсинка

Ездил на стройку института, хорошего мало. Не основательно, не добротное. Смотрел листы энциклопедии. Статьи по борьбе за существование, ботаника. Лысенко. Боже мой, как это грустно и стыдно. Имени Николая нет нигде. Писал книгу. Сегодня мне сделалось скверно, боль в груди (аорта?), тошнота, головокружение, кровохаркание. Еле доплелся. Река надулась, как в половодье.

[...]

3 сентября 1950 г., воскресенье, 7 часов вечера, Мозжсинка

Два дня в Москве. Начал погружаться в частью не разрешаемые трудности и в Академии, и в институте. Попал на положение больного.

[...]

8 сентября 1950 г., 11 часов вечера, Ленинград

Заседания РИСО... В Академию приходят потерпевшие от кораблекруше-

⁴⁷ Имеется в виду проект 25-этажного главного здания АН СССР, выполненный А. В. Щусевым (1883–1949). Проект не осуществлен.

⁴⁸ Вавилов Сергей Викторович (1948–1968) — внук С. И. Вавилова.

⁴⁹ Пахомов Николай Павлович (1890–1978) — искусствовед, литературовед, музейный деятель. По предложению С. И. Вавилова Пахомов в 1949 г. возглавил музей в Абрамцево. Муж Татьяны Михайловны Багриновской, сестры О. М. Вавиловой.

*С. И. Вавилов и И. Д. Кабанов (шофер).
Барвиха ≈ 8–10 января 1951 г. Фото В. С. Вавилова*

сы, неграмотность, и, «как преступник перед казнью, ищу кругом души родной».

[...]

10 декабря 1950 г., воскресенье, 5 часов вечера, Можжсинка

Странные, неприятные дни. Предстоит послезавтра отправиться в Барвиху. Сердце действительно не в порядке, но Барвихой его не поправишь. Здесь вместо отдыха готовлю «вступительное слово» для заседания, кругом тихо, снег, мороз, радио.

[...]

31 декабря 1950 г., Москва

Приехал Новый год встречать в Москву. Сажу на своем кресле. В груди боль и мрачно. Все кажется чужим. Приехали Виктор и Соня⁵² — за ними будущее.

⁵² *Софья Александровна Вавилова (1924–2003) — врач по лечебной физкультуре. Окончила Ленинградский институт физической культуры им. П. Ф. Лесгафта, работала в поликлинике АН СССР. Первая жена В. С. Вавилова.*

*Дача С. И. Вавилова в Мозжинке (Звенигород).
Фото П. А. Черенкова, сделанное в год присуждения ему Нобелевской премии, 1958 г.*

21 января 1951 г., 5 часов вечера, Мозжинка

Трудная неделя. Написал статью в «Доклады» и теперь вижу ее ошибочность. Конвейер проблем в Академии: скандал на почве вычислительных машин (Бруевич, Лаврентьев), строители, Добротин⁵³, выборы. Сердце не в порядке. Вчера схватило опять в Кремле. Не могу лежать на левом боку. Музыка Генделя, ели в снегу, луна в облаках. Как хорошо бы сразу незаметно умереть и улечься вот здесь в овраге под елями навсегда.

⁵³ Лаврентьев Михаил Алексеевич (1900-1980) — математик, механик; академик АН СССР (1946), стоял у истоков создания первых советских ЭВМ. Добротин Николай Алексеевич (1908-2002) — ученик С. И. Вавилова, академик АН КазССР (1967), лауреат Сталинской премии, профессор, с 1935 г. работал в ФИАНе.

ПИСЬМО С. И. ВАВИЛОВА — В. А. ВЕСНИНУ ⁵⁴

24 августа 1940 г., Москва

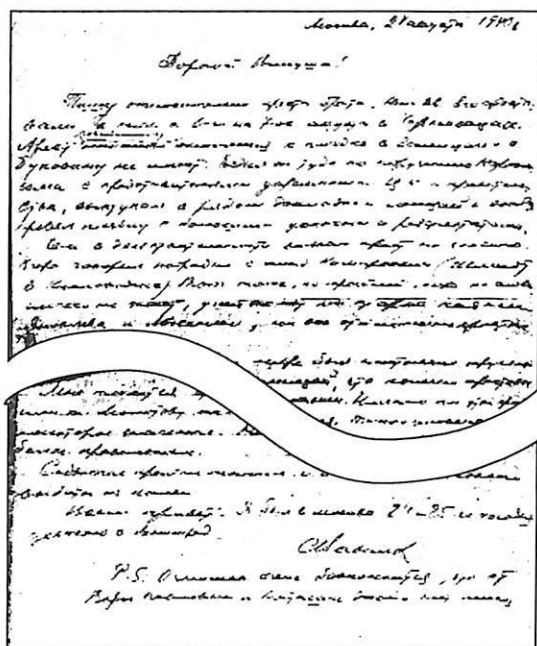
Дорогой Викуша!

Пишу относительно ареста брата Н. И. Его арестовали в ночь с 6-го на 7 августа в Черновицах. Арест, по-видимому, никакого отношения к поездке в Буковину не имеет. Ездил он туда по поручению Наркомзема с представителем управляющего ЦК и правительства, выступал с рядом докладов и лекций и вообще провел поездку с большим успехом и результатами.

Чем в действительности вызван арест, — не знаю. Вчера говорил подробно с акад. Комаровым ⁵⁵ в Кисловодске. Тот тоже, по крайней мере на словах, ничего не знает, указывает на старые козни Яковлева ⁵⁶ и Лысенко, но все это, полагаю, приетые догадки.

Брат в биологическом мире был настоящим крупным человеком и у нас и за границей, что, конечно, арестовывать его следовало подумавши. Именно по этой причине особенно приходится беспокоиться. Такого человека либо должны скоро выпустить с извинениями, либо обвинить бог знает в чем.

То, что брат настоящий советский человек, очень многим известно. С первых же дней революции он работал как лошадь, создав в сущности всю советскую агрономическую и научно-агротехническую сеть. За все годы ни разу не

⁵⁴ Одно из писем С. И. Вавилова В. А. Веснину.

Веснин Виктор Александрович (1882–1950) — академик архитектуры; первый президент Академии архитектуры СССР и ответственный секретарь Союза советских архитекторов (1939–1949). Был женат на сестре О. М. Вавиловой — Наталии Михайловне Багриновской (1891–198?). О нем см. еще запись в дневнике от 24 сентября 1950 г.

⁵⁵ Комаров Владимир Леонтьевич (1869–1945) — ботаник, географ. Чл.-корр. (1914), академик (1920), президент АН СССР с 29 декабря 1936 г. до 17 июля 1945 г.

⁵⁶ Яковлев Яков Аркадьевич (Эпштейн, 1896–1938) — государственный деятель. Учился в Ленинградском политехническом институте. В 1929 г. возглавил только что созданный Наркомзем. Ему было поручено проведение коллективизации. С апреля 1934 г. заведовал сельскохозяйственным отделом ЦК ВКП(б). В 1937 г. арестован и в 1938 г. расстрелян.

пользовался отпуском, а о материальных его успехах можно судить по тому хотя бы, что, как выяснилось при обыске, на сберкнижке у него ничего не было.

Мне кажется, что твое письмо к т. Сталину или т. Молотову ⁵⁷ по поводу брата могло бы иметь некоторое значение. Но, конечно, решай, как находишь более правильным. Событие крайне тяжелое, и я и Олюшка совсем выбиты из колен.

Всем привет. Я был в Москве 24 и 25-го, сегодня уезжаю в Ленинград.

С. Вавилов

P.S. Олюшка очень беспокоится, что от Веры Павловны ⁵⁸ и Наташи давно нет писем.

Приложение 2

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ОЛЬГИ МИХАЙЛОВНЫ ВАВИЛОВОЙ-БАГРИНОВСКОЙ

1917 год. Еду с фронта домой в Москву. Едут с фронта рядом и солдаты, и офицеры. Февральский мутный вечер. Боже, какая страшная тяжесть на душе. Что-то непонятное катится слухами и вспышками по войскам. Знакомые офицеры с фронта шлют сахар, муку и сало в тыл. Из Москвы давно нет писем. Что наши, что с ними? Утро, Москва. У вокзала — пустыня. Ничего не помню. Один извозчик. Нанимаю его. Поднимая сивую свою бородавку, он говорит мне: «Ну, барышня, молодец, что сегодня подъехала. За завтра все до единого бастовать и бунтовать будем и пришлось бы тебе, милая, пешком идти».

Не пытаюсь и не могу писать о событиях того времени. Они необъятны, неисчерпаемы и по своей исторической значимости грозны, величавы, неистовы в героизме, зверстве, высоте и падении. Думаю, что Достоевский и в своих видениях не знал того, что знаем и видели мы. Душа наша металась, горела, неистовствовала в искании правды. Где, где она? Этот вопрос, это смятение не получили воплощения в нашей литературе. Только «Тихий Дон» дает представление о том, что было, но там нет центра бури, нет Москвы, нет русской интеллигенции с ее идеологическими муками и максимализмом.

Итак, я дома, в Москве. Но дома уже нет, мама с младшими братьями от голода уехали в маленький город на Волге. Меня пригласили на зиму Веснины, где я встретила с Сергеем Ивановичем. Моя старшая сестра Наталья Михайловна была замужем за В. А. Весниным, вторым братом из трех талантлив-

⁵⁷ Сохранилось письмо В. А. Веснина от 4 октября 1940 г., направленное секретарю ЦК ВКП(б), члену Политбюро ВКП(б) А. А. Андрееву. См.: *Вавилов Ю. Н. С. И. Вавилов и судьба семьи Н. И. Вавилова // Исследования по истории физики и механики. 2001. М.: Наука, 2002. С. 114–127.*

⁵⁸ *Вера Павловна Багриновская, мать О. М. Вавиловой.*

С. И. Вавилов ≈ 1922–1923 гг.

вых архитекторов, работавших всегда вместе.

В архитектуре они представляли собой новое, левое, направление, в жизни чудесные, душевно одаренные люди. По своим политическим убеждениям, принадлежавших к авангарду революционно настроенной творческой московской интеллигенции того времени.

Надо сказать, что я выросла в большой и дружной семье. Кроме меня у мамы было еще три дочери и три сына. Я стояла в самой середине этой стаи детей. Вышло так, что старший из нас брат М. М. Багриновский в юном возрасте еще до кончины нашего рано ушедшего из жизни отца (он умер в 1906 г.) жил совершенно отдельно и самостоятельно, а младшие наши братья были настолько малы, что с ними настоящего живого контакта быть не могло. Но с сестрами и детство, и юность, и всю нашу жизнь мы провели в постоянном общении и глубокой душевной близости.

В доме Весниных бывала молодежь — ученики, музыкальные друзья сестры Наташи, архитекторы и художники. Бывали и мы, сестры Наташи, и братья Леонид и Александр Веснины.

У Весниных не было детей, и Н. М. в силу своего отзывчивого характера горячо относилась и к судьбе нашей семьи. В их светлом доме всегда звучали

музыка и пение, велись азартные споры и разговоры по текущим политическим, литературным и театральным темам.

В то далекое время оба они были в расцвете сил и красоты, но, конечно, в их жизни многое менялось под давлением грозных событий времени. Не стало старшего брата, его именем назван бывший Денежный переулок. Многие друзья и товарищи не вернулись с войны, многие москвичи от наступившего голода разъехались в провинцию. В доме бывали художник Татлин и М. Волошин.

Веснины жили тогда в Большом Успенском переулке, занимая прекрасную светлую и просторную квартиру. Им было предложено «самоуплотниться», т.е. по своему усмотрению пустить к себе «жильца». Им оказался С. И. Вавилов, которому тогда нужна была комната для занятий и размещения в ней бурно разрастающейся его библиотеки. Его рекомендовал Э. В. Шпольский, университетский товарищ С. Ив. Эдуард Владимирович жил в том доме, где жили Веснины, и так С. Ив. перевез свою библиотеку (частично) к Весниным и раза два в неделю оставался ночевать в своей комнате, где он подолгу вечером работал.

Сохранилась записка Э. В. Шпольского, в которой было сказано: «Дорогой Сергей Иванович! С комнатой дело устроено. Мы отыскали Вам весьма приличную, хотя не очень большую комнату у милейших людей (архитектор В. А. Веснин). Дайте сегодня к вечеру обязательный ответ. Э. В. Шпольский»⁵⁹.

Наташа несколько раз говорила мне, что С. Ив. заходит к ним иногда на чай и производит на них очень приятное впечатление. Он недавно вернулся с фронта и работает в Институте физики и биофизики, возглавляемом акад. П. П. Лазаревым. Что живет он с матерью где-то на Средней Пресне, а к ним приходит только заниматься. Как-то раз, зайдя к Весниным, я встретила С. Ив. в маленькой синей столовой, возвратившись с работы или урока пения, не помню. Былая очень усталая, возбужденная и внутренне глубоко несчастливая.

Не помню, о чем говорили мы, вероятно, о бурно развивавшихся событиях, каждодневно приносящих ошеломляющие новости с фронтов и тыла.

С. Ив. показался мне до мрачности серьезным и печальным, а его рукопожатие — невнятным и небрежным. В этом знакомстве для меня тогда не было ничего примечательного.

В то время в ходу была песня или романс «Черные гусары», по просьбе Наташи я спела его. Много после я узнала от С. Ив., что наша первая встреча произвела на него впечатление.

В дальнейшем, зайдя как-то к Весниным, я не застала Наташу дома, но С. Ив. вышел на звонок и пригласил меня зайти к нему до прихода хозяев. Я согласилась и спросила его, нет ли у него Баратынского, которого я никак не могла нигде достать. В комнате С. Ив. стоял старинный письменный стол, вдоль стены турецкий диван, обитый малиново-оранжевым, в углу круглая

⁵⁹ На записке с обратной стороны позже рукой О. М. Вавиловой было написано: «Так вот где таилась погибель моя».

железная печь (паровое отопление не действовало), а вдоль стен дубовые полки с книгами. На столе лампа с плоским зеленым абажуром, древняя персидская пепельница (привез из Персии Николай Иванович), книги и рукописи, исписанные таинственными для меня математическими формулами, и чертежи. В углу у печи были сложены березовые дрова.

Зимой по проекту В. А. Веснина в Черноречье, неподалеку от Горького, начали строительство химического завода, и Веснины уехали из Москвы. В покинутой ими квартире, пустой и холодной, остались мы вдвоем с младшей моей сестрой Катериной Михайловной. Жили мы на 4-м этаже, в доме осталась рояль, и я, несмотря ни на что, училась пению и пела, твердо решив ни в коем случае из Москвы не уезжать. В это время замерзли водопровод и все остальное. Наступил голод. Младшая моя сестра уехала в Костромскую губернию в бывшее имение моей тетки О. П. Алексеевой в школу, где требовались преподаватели иностранных языков. Я осталась совершенно одна.

Работала я в одном из бесчисленных новых учреждений, возникавших тогда как грибы после дождя и часто неожиданно расформировывавшихся по непонятным причинам. Но это для заработка, а занималась я пением у Марины Владимировны Владимировой, родной сестры прославленной певицы Барсовой Валерии Владимировны.

Москва переживала голод, и, конечно, мне пришлось очень тяжело, так как у меня не было ничего, чтобы выменять на хлеб или картофель. Цена денег быстро падала. Я всегда была голодна, но как-то не очень страдала от этого. Москва была полна беспризорниками.

И вот наступила весна. Снятые за студеную зиму, стопленные в «буржуйках» московские заборы и сады опустошили Москву. Я так промерзла за зиму, что ходила только по солнечной стороне улицы. Дома можно было согреться, сидя на подоконнике. Весна была ранняя, щедрая. Какое счастье было смотреть на листья, слышать звуки дождей и грома. Наступил хаос. В этом вихре ушли из жизни Блок, Есенин, Маяковский. Я жила совсем одна в пустыннй квартире, и как я выжила, понять не могла. В конце зимы мы чаще встречались с С. Ив. Мы никогда не договаривались о времени этих встреч, но так выходило само собой. Он привык заниматься в своей комнате, а я больше была в гостиной. Иногда мы вместе выходили из дома, но никогда не видели С. Ив. без книг. Из его карманов и портфеля всегда выглядывали книги, и моим спасением в то трудное время были поэты. Их «четки мудрости златой» говорили словами Пушкина, Тютчева, Блока. Оказалось, что С. Ив. обладатель обширной «Пушкинианы», собрания русских поэтов. Думаю, с того и началось наше душевное общение. С. Ив. с большим трудом раскрывался и невероятно отстаивал вкусы и убеждения. Я сразу заметила это, но меня это ничуть не смущало. Из наших литературных бесед выяснилась широкая и разносторонняя эрудиция С. Ив. Его огромные знания в области русской и западной литературы и истории поражали. Тонкий вкус, чувство стиля и эпохи, всегда своеобразная собственная точка зрения на все.

В жизни С. Ив., в развитии его отношения к миру и науке огромную роль сыграл «Фауст» Гете. Маленький томик прошел с ним войну 1914–1918 гг. «Фауст» на всю жизнь занял особое место в его жизни. Круг его мыслей не-

избежно в какой-то степени исходил и погружался вновь и вновь в стихи, открытые ему Гете. Это помогало ему, как мне помогал и спасал гений Пушкина, поднимая над вихрями жизни. О литературных вкусах С. Ив. могу сказать следующее. Поэзия, конечно, Пушкин. С. Ив. прекрасно читал пролог к «Медному всаднику» и очень любил пир Петра Великого. Все, что печаталось о Пушкине, он собирал всегда. Любил Баратынского и особенно «Человеку непокорно море синее одно». Конечно, прекрасно знал Тютчева, а из новых поэтов читал дома пролог к «Возмездию» Блока. Отдавал должное гению Л. Толстого; Достоевский казался ему патологическим, но покорял его дерзким и сияющим своим интеллектом. Любил читать легкую французскую литературу, минуя ее вершины (Гюго, Золя, Мопассан). И так, ранней весной я наслаждалась Баратынским, Фетом, и вообще к услугам моим был весь поэтический русский Олимп, начиная с Ломоносова и кончая Есениным. Все это и теперь стоит в стареньком шкафу, и я все так же люблю их, как и прежде.

С каждым разом встречи наши делались оживленнее. В сущности, оба мы были одиноки. Оба мы только что вернулись с фронта и были переполнены впечатлениями войны. Как бывает это, все тяжелое и темное в воспоминаниях отходило как-то вдаль, и делились мы скорее забавными и даже веселыми впечатлениями. Помню, как весело вспоминал С. Ив. свое пребывание в Кельцах, куда он попал со своей частью после тяжелых переходов и боев. С. Ив. с большой симпатией говорил о Польше и поляках. Вспоминал он удивительный эпизод с часами. Воинская часть их двигалась по Волини, по песчаным местам. С. Ив. ехал верхом, на руке у него были золотые часы на золотой цепочке. Усталый, он почти дремал, покачиваясь в седле, и вдруг часы соскользнули с его руки. Он спешил, пытался найти, но времени не было. Так и двинулся дальше без часов. Пропажа очень огорчила его. Прошло несколько месяцев. Их часть двигалась опять той же дорогой. Вдруг подкова лошади звякнула обо что-то, и что-то блеснуло в песке. И что же? Его часы. Те самые, которые упали с его руки когда-то!

Случай почти невероятный, но тем не менее истинный.

Надо сказать, что при общей глубокой серьезности, при ярком чувстве жизни, знании истории, наглядности трагических судеб на войне, С. Ив. войну 14-го года переживал долго. Он глубоко уважал трагические усилия народа,

*Свадебная фотография О. М. Багриновской и
С. И. Вавилова. 25 июня 1920 г.,
дер. Растяпино.*

О. М. и С. И. Вавиловы в Еропкинском переулке 1922–1923 гг.

ввергнутого в войну, и совершенно не терпел, когда люди, не бывавшие на фронте, в порядке праздных разговоров позволяли себе говорить, что «немцы побили нас» и т. д. Он вспыхивал мгновенно и обрушивал на неосторожного собеседника сокрушительные доводы в защиту нашей армии.

Итак, мы все чаще встречались с С. Ив. Помню, когда уже опушились зеленые московские сады, с бульваров запахло согретой землей, мы решили пойти на Воробьевы горы. Долго бродили по рощам под Москвой. 8 июня все выяснилось между нами и мы стали женихами. В это время у Весниных в Растяпине гостили две мои сестры и туда же ждали нашу маму. Мы решили ехать венчаться в Растяпино.

Еще до отъезда нашего в Растяпино и до нашего «жениховства», когда мы были только хорошими знакомыми и С. Ив. только что переехал к Весниным в Успенский переулок, изредка приходила убирать комнату С. Ив. пожилая женщина. Она была подругой матери С. Ив., жили они у них дома, и [она рассказывала,] «что дом их [был] полная чаша. Хорошо, что С. Ив. вернулся с войны, а вообще вещи все распроданы на молоко и хлеб, и что дальше, одному Богу известно». И вот что было до нашего отъезда в Растяпино. С. Ив., несколько волнуясь, сказал мне, что надо идти на Пресню знакомиться с Александрой Михайловной. Я надела голубое ситцевое платье и широкополую шляпу, и мы пошли. Я чувствовала, что иду в какую-то совсем иную по укладу семью, и волновалась. Средняя Пресня была тогда совсем провинци-

альной улицей, поросшей густо низкорослой ромашкой. За деревянным высоким забором стояли одно- и двухэтажные дома, спрятанные в сады и полисаднички. Выбегали собаки. Стоял конец июня, отцветали яблони, было тепло. Но после Кудринской площади здесь было пустынно. У подъезда одноэтажного деревянного дома, с большой каменной ступенькой, выступающей на тротуар, С. Ив. позвонил. Дверь открыла маленькая, очень тоненькая женщина, в черном. Это была мать С. Ив. Круглая, гладко зачесанная голова, большие черные глаза, неожиданный для ее миниатюрной фигуры низкий голос. Мы поднялись по каменной лесенке, и в столовой я увидела за большим столом много старушек. Ал. Мих. приветливо усадила нас к столу и, посмеиваясь, занялась разливанием чая, извиняясь за угощения, которых не было тогда. Большие лепешки из ржаной муки на столе казались чудом из чудес. Разговор был бессвязный, но добродушный. Все это были люди, любившие С. Ив., и я успокоилась. Потом я узнала, что С. Ив. любил разговаривать с этими старушками. Наконец чаепитие кончилось, и С. Ив. сказал, что пора домой и что он пойдет проводить меня. В передней матушка, обращаясь ко мне, посмеиваясь, сказала: «Ваш-то кавалер шляпу где-то потерял, скоро и голову потеряет». Визит кончился. Я облегченно вздохнула.

Весной с веснинской пустой квартиры я перебралась к своей старшей сестре Татьяне Михайловне, жившей в доме в Еропкинском переулке. На другом конце Пречистенки стоял огромный дом времен Екатерины, там находилось Коммерческое училище, которое окончили братья Вавиловы. Место на поминало С. Ив. детство. Перед нашим отъездом в Растяпино мы решили на первое время остаться на этой квартире. Эту квартиру сестра Татьяна Михайловна оставила, выйдя замуж. Когда это было решено, первое, что сделал С. Ив., он перевез на двух грузовиках свою библиотеку. Вдохновенно и радостно таскал он огромные мешки и ящики с книгами, помогая носильщику и шоферу. Потом уставил по стенам тяжелые дубовые шкафы. Я с ужасом поглядывала на целые «Гималаи» книг, лежащих на полу двух наших комнат. С. Ив. бывал у меня каждый день и приносил мне цветы. Засохшие лепестки роз сохранялись в томике Баратынского. Мы не могли уехать в Растяпино, на железных дорогах царил хаос, и без командировки уехать бы не удалось. Как-то достали командировку, разместились в разных вагонах и поехали. Мы доехали до Горького. Дом, снимавшийся Виктором Александровичем Весниным, был из купеческих. Нам была снята комната. Стояла жара, 25 июня 1920 г. мы венчались, а в конце августа вернулись в Москву. С. Ив. сразу заскучал по работе и исчез из дома. Надо сказать, что наше совместное существование начиналось в очень сложных условиях и трудное время. снабжение Москвы было разрушено. Дров не было. Продукты выдавали по карточкам. За керосином стояли очереди. Мыло и спички доставали какими-то неведомыми путями. После женитьбы С.Ив. каждый день бывал у матери на Пресне. И так было целый год. По воскресеньям и я навещала Ал. Мих. Она неизменно ласково и приветливо встречала меня. Конечно, настоящей близости между нами не было. Большой дом, в котором жила семья Вавиловых, заняли под детский сад. «Было все, и все отобрали, — сказала Ал. Мих. — И слава Господи!» Сказала она это с полной искренностью, так как в доме

этом ей не нужно было ничего, она любила своих детей, цветы и церковь. Вставала до зари и не покладая рук работала до ночи. Конечно, она была тверда в вере и строго соблюдала все установления церкви. Но не было в ней никакого ханжества и елейности, а при своей строгости и скромности никогда не осуждала. Я познакомилась с ней в страшное для нее время. В 1915 году умерла ее младшая дочь Лидия. Молодая, талантливая. Была она микробиологом. Заразилась черной оспой и на 6-м месяце беременности погибла. При воспоминании о Лидушке у нее слезы текли ручьем. В раннем детстве умерли ее Катя, Вася и Илья, которого она считала самым «особенным».

В дни своего рождения С. Ив. всегда вспоминал, как в детстве матушка будила его к ранней обедне, вела в церковь. Стояли обедню. Только после этого матушка поздравляла его и дарила чудесные игрушки и книжки. По большим праздникам ездили за покупками. Весело было на быстрых санках возвращаться домой рядом с матушкой, нагруженной пакетами с пряниками, орехами, украшениями к елке и конфетами, до которых Ал. Мих. и С. Ив. были большими охотниками. Вozила она его любоваться иллюминацией в Кремль. «Николай, тот бойкий был, — говорила Ал. Мих., — а Сергей был рядом». Оба были очень привязаны к матери сильнейшим сыновьим чувством. И особенно, как мне кажется, С. Ив.

Говоря о матери и вспоминая детство, голос его теплел, и в глазах появлялось что-то светлое. Кончину Ал. Мих. он пережил ужасно. Он был безутешен и беспомощен в своей горе как ребенок. Он захлебывался от слез, вытирал свои глаза пальцами, как бы желая остановить этот страшный поток.

С. Ив. женился в 29 лет. Ал. Мих., конечно, понимала, что уже пора заводить ему семью, но она не могла не волноваться за него, так как любила его всеми силами души. На второй год женитьбы С. Ив. бывал у матери через день, и только через несколько лет нашей совместной [жизни] мы вместе с ним навещали Ал. Мих. каждое воскресенье.

В 20-м году на Пресне жила только матушка, Иван Ильич эмигрировал, и вестей от него не было. Ник. Ив. со своей первой женой Ек. Ник. Сахаровой и с сыном Олегом жили в Саратове.

Люди в Москве умирали с голода. Зимой пришла новая беда — нечем было топить печи. Затрещали заборы, ворота и садовые деревья. Горели книги. Как-то я пришла домой, а С. Ив. заболел, его трясло, на нем была старая отцовская шуба и одеяло. Согреть было нечем, дров не было. Вообще, как мы пережили 19–20-е годы, едва можно представить. Рухнуло все, деньги падали в цене, воровство расцветало пышным цветом. К счастью, С. Ив., страстно любя науку и пройдя строгую школу четырех лет войны, все переносил без жалоб, проявляя свойственную ему во всем выдержку и мужество. Со мной было хуже.

Часто в дом приходил или, вернее, прибежал Николай Иванович. Убегая, кричал: «Селям». 8 июля 1921 года у нас родился сын Виктор. Лето 21-го г. мы провели в Москве. Это были трудные годы. Тем не менее эти годы, с 21-го по 31-й, для С. Ив. были исключительно плодотворными. Совет отца Ивана Ильича детям был таков: всякий труд — главное в жизни и что труд надо понимать как служение обществу и родине.

В московский период жизни я познакомилась со всеми бывшими товари-

щами С. Ив. по Коммерческому училищу и Университету. К внешним дарам цивилизации, лоску и комфорту — С. Ив. был неизменно равнодушен. С. Ив. очень любил архитектуру и говорил, что часто видит музыкальные сны.

Приложение 3

ПРОЧИТАННЫЕ КНИГИ

[Последняя книжка дневников С. И. Вавилова заканчивается перечнем книг, прочитанных за 1950 и январь 1951 гг., с разбивкой по месяцам, дел, выполненных за лето 1950 г. Список книг приводится здесь полностью, давая читателю представление о круге чтения и интересов ученого.]

1950 г.

ЯНВАРЬ

- 1) *С. Н. Дурылин*. Нестеров — портретист. 1949.
- 2) *F. Enriques*. Causalità e determinazione nella filosofia e nella storia della scienza. 1941.
- 3) *H. Vernet*. Lettres intimes pendant voyage en Russie (1842–1843). Paris, 1856.
- 4) *William Le Queux*. Der Giftmischer aus der Stretton street.
- 5) *William Le Queux*. Drei rote Punkte (The Valrose mystery). 1929.
- 6) *F. Runkel*. Kampf im Hinterhalt. 1923.

ФЕВРАЛЬ

- 1) *John Goodum*. Mit versiegelter Order.
- 2) *W. Hyden*. La Pavlova. 1932.
- 3) *Omar der Zeltmacher*. Die Sinnsprüche. 1922.
- 4) *А. Белый*. На перевале. (I. Кризис жизни). 1918.
- 5) *Ellery Queen*. Besuch am letzten Tag.
- 6) *A. Schnitzer*. Der grüne Kakadu. Paracelsus. Die Gefährtin. 1900.
- 7) *H. Butterfield*. The origin of modern science (1300–1800). 1949.
- 8) *J. Velzer*. Schluss mit Monica. 1932.

МАРТ

- 1) *G. Meiers et J. M. Darres*. La carte sanglante. 1913.
- 2) *Л. Подольский*. Дядя — граф. Лондон, 1861.
- 3) *Alan Thomas*. The death of Laurence Vining. 1931.
- 4) *J. Stark*. Die gegenwärtige Krisis in der deutschen Physik. 1922.
- 5) *G. Meiers*. L'ombre qui tue. 1913.
- 6) *K. Oettinger*. Altdeutsche Bildschnitzer der Ostmarkt. 1939.

7) *G. G. Toudouze. La sorcière du Vésuve. 1927.*

АПРЕЛЬ

- 1) *M. du Camp. Théophile Gautier. 1890.*
- 2) *Georges Simenon. Un crime en Hollande. 1931.*
- 3) *H. J. Magog. L'énigme de la malle rouge. 1912.*
- 4) *G. Simenon. La nuit du Carrefour. 1931.*
- 5) *V. Uzanne. Caprices d'un bibliophile. 1878.*
- 6) *G. Keynes. The personality of William Harvey. 1949.*

МАЙ

- 1) *Charle Edmonds Walk. Le secret du coffre-fort.*
- 2) *R. Lenoble. Mersenne, ou la naissance du mécanisme. 1943.*
- 3) *Georges Connes. Le mystère Shakespearien. 1926.*

ИЮНЬ

- 1) *Antonio Morassi. Giorgione. Milano, 1942.*
- 2) *A. France. Dernières pages inédites, publiées par M. Cerday. 1925.*
- 3) *R. A. Freeman. Ein stummer Zeuge.*
- 4) *Moomrebuana. 1922.*
- 5) *A. Thierry. Les grandes mystifications littéraires. 1911.*
- 6) *R. A. Freeman. Schatten der Tiefe.*
- 7) *Eugene Sue. L'aventurier ou la Barbe bleue. 1846.*

ИЮЛЬ

- 1) *М. И. Семевский. Слово и дело (1700–1723). 1884.*
- 2) *А. Брикнер. Русские дипломаты [и] туристы в Италии в XVII столетии. (Из «Русского Вестника», 1877–1878).*
- 3) *Г. Теплов. Знания, касающиеся вообще до философии, для пользы тех, которые о сей материи чужестранных книг читать не могут. Книга первая. 1751.*
- 4) *J. S. Fletcher. Das Geld des Totes.*
- 5) *Платон. Тимей. Перевод Карпова. 1879.*
- 6) *G. Simenon. La charretie de «La Providence». 1931.*
- 7) *G. Simenon. Nord-Express.*
- 8) *P. Benoît. La châtelaine du Liban. 1924.*
- 9) *Alfredo Lensi. Palazzo Vecchio. Florence, 1912.*

АВГУСТ

- 1) *A. Lejeune. Euclide et Ptolémée. Deux stades de l'optique géométrique grecque. Louvain, 1948.*

- 2) *A. Bellini*. Gerolamo Cardano e il suo tempo. Milano, 1947.
- 3) *Der Gespensterfahrer*. Seltsame und gruselige Geschichten. 1927.
- 4) *Т. Карлейль*. Герои и героическое в истории. Перев[од] В. И. Яковенко.
- 5) *Amedeo Maiuri*. Pompéi. 1943.
- 6) *Mémoires d'un policeman* (avec préface d'A. Dumas).
- 7) *J. S. Hofmann*. Die Entwicklungsgeschichte der Leibni[z]schen Mathematik. 1949.
- 8) *В. Л. Снегирёв*. Знаменитый зодчий В. И. Баженов. 1950.
- 9) *L. de Rosa*. Il segreto di Claudio Adrian. 1873.

СЕНТЯБРЬ

- 1) *V. Ronchi*. Galileo e il cannocchiale. Udine, 1942.
- 2) *Иван Головин*. Записки. Лейпциг, 1859 г.
- 3) *П. А. Плетнёв*. Памяти гр. С. С. Уварова, Президента И[мператорской] Ак[адемии] Наук. 1855.
- 4) *L. Gielly*. Giovan-Antonio Bazzi, dit le Sodoma.
- 5) *П. Шереметев*. Вязёмы. 1916.
- 6) Дневники А. И. Вольфа (1828–1831). 1915.
- 7) *В. Станюкович*. В. Э. Борисов-Мусатов. 1906.

ОКТЯБРЬ

- 1) *A. Dumas*. Salvator. 2 тома.
- 2) *A. Dumas*. Salvator. 3–5 тома.
- 3) *E. N. de C. Andrade*. I. Newton. 1950.
- 4) *L. Groe*. Le bourreau fantome (suicide, l'étrange alibi). 1937.
- 5) *E. Finke*. Die Hamadryade. 1937.

НОЯБРЬ

- 1) *M. Leblanc*.
- 2) *Corberon*. Journal intime (1775–1780). 1901. Т. I.
- 3) «Русская жизнь». Сборник, т. I. 1914 г.
- 4) *P. Kohlhöfer*. Das Bildniss der Kaiserin.
- 5) Памяти П. А. Ефремова. Сборник русского библиогр[афического] о[бществ]а. 1908.
- 6) *А. А. Морозов*. М. В. Ломоносов (по корректуре).
- 7) *Max Caspar*. Johannes Kepler. 1942.
- 8) *Т. Н. Кара-Ниязов*. Астрономическая книга Улугбека. 1950.
- 9) *Ottwell Binns*. Die drei schwarzen Punkte.
- 10) *Pierre Veber*. La seconde vie de Napoléon I. 1924.

ДЕКАБРЬ

- 1) *K.-Z. Kossale-Raytenau*. Modell Mirakel.

- 2) R. Tokarski. Die Sache mit Trix.
- 3) F. Sturel. Lettres anonymes. 1942.
- 4) A. K. Green's. Kriminal Romane. т. VII. 1896.
- 5) Olga Resnevic Signorelli. Eleonora Duse. Roma, 1932.
- 6) P. Prigsheim. Fluorescence and phosphorescence. 1949.
- 7) F. v. Knecht-Ostenburg. Abenteuer in Budapest. 1944.
- 8) A. K. Green. Der Tag der Vergeltung. 1896. т. VI.
- 9) I. Bernard Cohen. Roemer and the first determination of the velocity of light. 1944.
- 10) A. K. Green. Schein und Schuld. 1846. [т.] III.
- 11) A. Stokes. Art and science. 1950.

1951

ЯНВАРЬ

- 1) H. Weiler. Mordsache Kowalsky.
- 2) A. K. Geen. Um Millionen (т. V).
- 3) A. K. Geen. Das verlassene Gasthaus (т. IV).
- 4) Вопросы религии и атеизма (сборник) 1950 (Допрос Д. Бруно).
- 5) Lewalter. Unsterbliche Anna Pavlova. 1937.
- 6) В. К. Макаров. Художественное наследие М. В. Ломоносова. Лениздат, 1950.
- 7) Историко-математические исследования. Вып. III. 1950.
- 8) V. Tornius. Der Mürder. 1928.

Публикация В. В. Вавиловой

В подготовке материалов к публикации принимали участие Ю. И. Кривоносов, Е. И. Погребысская (автор примечаний) и Б. А. Старостин (расшифровка списка литературы). Все фотографии и документы предоставлены В. В. Вавиловой из семейного архива. Редакция благодарит В. М. Болотовского, Ю. Н. Вавилова и Н. Н. Пахомову, за ценные замечания.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Журнал завершает первую публикацию фрагментов из дневников Сергея Ивановича Вавилова, выдержек из воспоминаний его жены Ольги Михайловны Вавиловой (Багриновской) и некоторых архивных документов из личного собрания семьи Вавиловых. Новые документальные свидетельства жизни и научной деятельности выдающегося ученого и организатора отечественной науки открывают читателям внутренний мир Сергея Ивановича Вавилова, существенно дополняют наши знания о нем, ранее почерпнутые из официальных документов, биографических произведений, рассказов учеников и современников. Дневники — это пропущенная через себя, переосмысленная автором социальная и гражданская история целой эпохи, многих драматических событий XX века, двух мировых войн, это история становления и развития отечественной науки, история жизни, научных свершений, человеческих

судеб и трагедий научного сообщества в условиях тоталитарного режима.

В одной из записей 1920 года Сергей Иванович характеризует свое отношение к дневнику, называя его — «Письма к самому себе». Позднее, через 25 лет, он опять возвращается к мыслям о роли своих дневников: «Дневниковые записи вел почти непрерывно лет с 15-ти, правда, с перерывами. Зачем?.. Сейчас это больше условный рефлекс. Привык. Польза некоторая: иногда можно на себя оглянуться...» Но не только «оглянуться». Сергей Иванович, видимо, хотел, чтобы его опыт, события его жизни, события того времени в его восприятии сохранились в памяти, дошли до следующих поколений. Мы повторяем, как его завещание, строки из дневника: **«Если книжку не сожгут, не выбросят, не изорвут и она дойдет до человека с душой и умом, — он, наверное, кое-что поймет относительно трагедии человеческого сознания».**

Внимательный читатель даже этих небольших выдержек из дневников С.И. Вавилова, опубликованных в нашем журнале, выделит несколько основных тем, которые прошли через все записи, особенно последнего десятилетия.

Одна из главных — постоянная тревога о судьбах науки, о собственной научной работе, которой мешали многочисленные административные и общественные обязанности. Эта тревога обострилась после избрания С.И. Вавилова президентом Академии наук. В августе 1945 г. он записывает: «Неприятное чувство, что не думаю и не делаю главного. Теперь для Академии, для науки. Каждую минуту чувствую, что делаю мелочи, а не главное...»

Обостренное чувство долга перед наукой, перед страной руководит всеми его помыслами и делами. После первого полугодия своей работы на посту президента он отмечает в дневнике (запись 1 января 1946 г): «Президентство свое до сих пор ощущаю как павлинье оперенье, совсем ко мне не приставшее. И тем не менее надо сделать то, что в моих небольших силах, чтобы упорядочить Академию. **Прежде всего надо приучить видеть больших, по настоящему талантливых людей. Знаю, что их очень мало, но без этого ничего не делаешь...**» С. И. Вавилов вел неустанный поиск таких людей в институтах, которыми руководил, в Академии, старался всеми силами защитить ученых, необоснованно преследуемых властью. Образцом настоящего ученого был для него Л. И. Мандельштам, блестящая по лаконичности и глубине характеристика которого приведена в дневнике: «Пожалуй, самый замечательный человек среди ученых, которых я в России знал. Сверхчеловеческая тонкость физического мышления. Редчайшая моральная честность в самых тяжелых условиях с добротой и добродушием и общая высокая культура».

Через весь дневник проходит тема отношения С. И. Вавилова к высокому искусству, к классической музыке, поэзии, живописи, архитектуре. Знание нескольких языков позволяло ему читать на латыни произведения древних философов и ученых, книги классиков европейской культуры и науки. Через всю жизнь пронес он юношеские воспоминания о поездке в Италию и Германию, его описания Вероны и Арццо — органичное сочетание историко-научного подхода с блестящим литературным изложением.

Но самые драматичные страницы дневников связаны с судьбой брата — Николая Ивановича Вавилова.

Нестерпимая боль утраты, невозможность смириться с нелепыми, ничем

не обоснованными обвинениями не оставляли Сергея Ивановича до последних дней жизни.

Вряд ли даже люди из ближайшего окружения, знавшие и писавшие в своих воспоминаниях о тяжелых переживаниях С. И. Вавилова в связи с гибелью брата, могли бы до чтения дневников ощутить всю глубину его личной трагедии. И то, что Сергей Иванович ушел из жизни накануне очередной годовщины гибели брата, не просто роковое совпадение, а подтверждение того, что в его памяти эта самая большая для него утрата, бессмысленная и жестокая, не давала покоя, лишала жизненной энергии.

Но в истории отечественной науки С. И. Вавилов остается выдающимся ученым и руководителем научных коллективов и Академии наук, который смог, подавляя свои внутренние переживания, внести неоценимый вклад в развитие науки и взрастить научное открытие нобелевского уровня, основать свою научную школу и новые научные направления, воспитать учеников и последователей. О невероятной работоспособности, об умении, по выражению академика И. М. Франка, «владеть своим временем» говорят дневниковые записи о прочитанных книгах на различных языках только за 1950 год — всего 96(!). Опубликованные в нашем журнале (2004, № 1, 2) фрагменты из дневников С. И. Вавилова — только первый шаг в знакомстве с этой частью его наследия.

Полную публикацию дневников С. И. Вавилова предполагается осуществить в серии «Научное наследство», основателем которой был Сергей Иванович Вавилов.

Для нашего института, носящего имя Сергея Ивановича Вавилова, каждый новый документ, каждая новая публикация о его жизни и деятельности, о его семье представляют особый интерес.

Можно надеяться, что наше дальнейшее сотрудничество с В. В. Вавиловой в работе по публикации дневников и воспоминаний позволит открыть новые важные страницы, рассказывающие о выдающемся отечественном ученом, президенте Академии наук академике Сергее Ивановиче Вавилове.

В. М. Орел, Ю. И. Кривоносов

DE «QUISQUILIIS SUICETICIS»

(Предисловие к публикации X главы неизвестной книги В. П. Зубова)

По сообщению Марии Васильевны Зубовой, дочери и хранительницы архива выдающегося отечественного ученого Василия Павловича Зубова (1900–1963), ее отец стал заниматься исследованием творчества Ричарда Суисета еще в 1947 г., а в самом конце своей жизни снова вернулся к этой тематике, но, к сожалению, не все из того, что было им задумано, удалось осуществить. Однако до нас дошел машинописный текст ««Калькулятор» Ричарда Суисета и его судьба», являющийся X главой обширной работы, об общем названии которой мы можем пока лишь гадать (характерно, что в тексте периодически встречаются отсылки к иным, VII, VIII и IX, главам упомянутого труда, до сих пор — по крайней мере, целиком — так и не изданного). Данный текст включает в себя вводную часть, в основном посвященную рассказу о том, как было представлено сочинение Суисета в научной историографии Нового времени, и три раздела: 1. Содержание «Калькулятора», 2. «Калькулятор» и наука итальянского Возрождения, 3. Альварес Томас и его «Книга о трояком виде движения».

В настоящей публикации, — долженствующей стать своеобразной «презентацией» предстоящего выхода в свет X главы в ее полном объеме (и, быть может, совместно с другими главами работы, если таковые удастся разыскать), — вводная часть печатается целиком, разделы 1 и 2 лишь частично, а раздел 3 опущен вовсе. При этом для издания был выбран материал преимущественно исторического характера, подготовка же к публикации теоретических частей текста пока отложена на будущее.

Мы взяли на себя смелость осуществить подобную выборку еще и потому, что в архиве В. П. Зубова была обнаружена и иная версия текста о «Калькуляторе» Ричарда Суисета, представляющая из себя попытку переработки X главы в самостоятельное произведение, причем, — насколько можно судить, анализируя результаты этой так и не завершенной переработки, — критерий отбора материала в ней аналогичен тому, что использовался в ходе подготовки настоящей публикации. Заметим также, что любезно предоставленный М. В. Зубовой текст печатается практически без каких-либо редакторских изменений (если не считать сделанных нами сокращений, обозначаемых знаком [...], о которых мы уже сказали); определенной коррективке подверглись лишь примечания: в них была введена сплошная нумерация, а ссылки на литературу приведены в соответствие с современными нормами.

Что же касается главного героя предлагаемого текста В. П. Зубова, то им является в свое время незаслуженно забытый новоевропейской наукой и до сих пор чрезвычайно плохо известный русскому читателю Ричард Суисет, или Су-